Надточий В.Д.

С крестом и мечом

Том V

Последнiє Крестоносцы

18+

Владислав Надточий

Том V. Последние крестоносцы. С крестом и мечом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Том V. Последние крестоносцы. С крестом и мечом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Их армии уничтожали. Их крепости брали штурмом. Их знамёна топтали победители. Но последние крестоносцы отказывались признать поражение.Османская империя расширяет свои владения. Константинополь падает. Европейские монархи предают союзников, нарушают клятвы и ведут опасную дипломатическую игру. Средиземное море превращается в поле ожесточённой борьбы.Никополь и Варна. Падение Константинополя. Кровопролитные осады Родоса и Мальты. Грандиозная битва при Лепанто.Почему огромные армии терпели катастрофические поражения? Как осаждённые крепости выдерживали натиск превосходящих сил? И что заставляло рыцарей идти в бой, когда надежды на победу почти не оставалось?Пятый том серии «С крестом и мечом» — история великих сражений, политических интриг, предательства и мужества.Они проигрывали войны, теряли государства и уходили в историю. Но их последняя битва ещё не была проиграна.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новый враг: османы и морские лиги (1300–1350) 6
Глава 2. Король-крестоносец: Пётр Кипрский и Александрия (1359–1390) 20
Глава 3. Никополь (1396) и Тимур 41
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Владислав Надточий
Том V. Последние крестоносцы.
С крестом и мечом

С КРЕСТОМ И МЕЧОМ
Надточий В.Д.
ТОМ V
ПОСЛЕДНИЕ КРЕСТОНОСЦЫ

Глава 1. Новый враг: османы и морские лиги (1300–1350)

В середине XV века турецкий поэт Энвери, служивший при дворе одного из эмиров Малой Азии, начал писать стихотворную хронику о подвигах своего государя. Её героем был Умур-бей, правитель Айдына, приморского эмирата на западном берегу Анатолии. Энвери рассказывает, как Умур строил корабли, как ходил в набеги на греческие острова, на Евбею и Пелопоннес, как брал пленных и добычу, как воевал с «франками» и как сражался за веру. Стихи эти полны гордости. Умур в них настоящий гази, воин веры, который, по представлениям автора хроники, сражается за веру и исполняет свой долг. А в те же самые годы в Авиньоне папа Климент VI собирал против Умура христианский флот и объявлял поход, участники которого получали отпущение грехов, как некогда шедшие в Иерусалим. Противостоящие стороны по-разному описывали одни и те же столкновения, но каждый находил для войны религиозное оправдание.

Три предыдущих тома этой книги рассказывали о войнах за Святую землю, а четвёртый — о крестах, поднятых в Испании, на Балтике и в самой Европе. Пятый том посвящён следующему этапу истории крестовых походов. После падения Акры в 1291 году, о котором говорилось в томе III, у латинян не осталось ни одного владения на сирийском берегу, и проекты возвращения Иерусалима всё чаще оставались на страницах трактатов и планов. Но крестовый поход не умер. Он нашёл себе нового противника, чьи владения непосредственно соседствовали с европейскими государствами. С востока, из Малой Азии, поднималась сила, которая через полтора века возьмёт Константинополь, а через два века будет стоять под стенами Вены. Европейцы называли её просто турками. Название «османы» закрепилось за династией и её подданными, по имени основателя своей династии.

Чтобы понять, откуда взялись османы, надо вспомнить, что произошло с Малой Азией за предыдущие два века. Как рассказывалось в томе I, после битвы при Манцикерте в 1071 году большая часть Анатолии перешла к туркам-сельджукам. Их Конийский султанат пережил крестоносцев, но в середине XIII века был разгромлен монголами. После 1243 года, когда монгольское войско разбило сельджуков у горы Кёседаг, султаны Конии стали вассалами монгольских ильханов, а на окраинах их державы, особенно на западе, у византийской границы, усилились полунезависимые вожди туркменских кочевых племён. Когда к концу XIII века и власть ильханов в Анатолии ослабла, эти вожди стали самостоятельными правителями. Их владения историки называют бейликами, то есть княжествами. Айдын, Ментеше, Сарухан, Карасы, Гермиян, Караман и ещё десяток других делили между собой полуостров.

Одно из наиболее подробных описаний анатолийских бейликов оставил марокканский путешественник Ибн Баттута, о котором ещё будет речь в связи с чумой. В начале 1330-х годов он проехал Малую Азию из конца в конец и побывал при дворах многих беков. Его поразило гостеприимство местных братств, которые назывались ахи. Это были союзы молодых ремесленников и неженатых мужчин, живших по правилам рыцарской чести, футуввы. В каждом городе такое братство содержало обитель, где путника кормили, укладывали спать и развлекали песнями и плясками. Ибн Баттута пишет, что нигде в мире не встречал людей, столь заботливых к чужеземцам. Правда, местные жители едва понимали его арабский, а он их тюркский, и однажды две соперничавшие обители чуть не подрались из-за того, кому принимать гостя.

В городе Бирги, в горах над долиной Мендереса, Ибн Баттута гостил у бека Мехмеда из рода Айдын, отца того самого Умура, о котором рассказывает Энвери. Бек расспрашивал путешественника о Мекке и Египте, показывал ему камень, упавший, по его словам, с неба, и угощал его в летнем дворце. Затем Ибн Баттута побывал и у самого Умура в Смирне и опи-

сал его как щедрого и благочестивого молодого государя, который постоянно воевал с неверными на море. Путешественник упоминает и о том, что у бека было много невольников-греков, захваченных в набегах. Ибн Баттута описывает этот мир без всякого удивления: для него это была обычная пограничная жизнь, в котором война соседствовала с торговлей.

Одним из самых маленьких и незаметных среди этих бейликов было владение Османа, сына Эртогрула, в долине реки Сакарьи, на северо-западе Анатолии, недалеко от византийских городов Никеи и Бурсы. О ранних годах Османа почти ничего достоверного не известно. Османские хроники, написанные через сто пятьдесят лет, рассказывают о нём множество легенд. Самая знаменитая из них повествует о сне. Будто бы Осман, ночуя в доме почитаемого шейха Эдебали, увидел, как из груди шейха поднялась луна и вошла в его собственную грудь, а затем из его пупка выросло громадное дерево, тень которого покрыла весь мир, и под ним текли реки и стояли горы. Шейх истолковал сон как обещание: потомкам Османа суждено править миром. Он отдал Осману в жёны свою дочь. Историки видят в этом рассказе позднейшее обоснование власти династии, но он ясно говорит о том, какими османы хотели видеть свои истоки.

Первое надёжное известие об Османе оставил византийский историк Георгий Пахимер. Он пишет, что летом 1302 года при местечке Вафей, недалеко от Никомедии, турки Атмана, как он называет Османа, разбили отряд византийского войска. Эта победа сделала Османа известным, и к нему стали стекаться воины со всей округи. Тот, кто воевал с христианами на границе, мог рассчитывать на добычу, землю и славу, а удачливый вождь привлекал всё новых людей. Пограничная война с Византией была для таких бейликов главным источником богатства. Греческие крепости в Вифинии одна за другой оказывались в окружении. В 1326 году, уже после смерти Османа, его сын Орхан взял Бруссу, большой и богатый город у подножия горы Олимп, и сделал его своей столицей. В 1331 году пала Никея, где когда-то, как отмечалось в первом томе, стояли лагерем рыцари Первого крестового похода, а в 1337 году — Никомедия.

Осман умер около 1324 года, и его похоронили в Бурсе, которую взял его сын Орхан. Ибн Баттута побывал в Бурсе в те годы и называет Орхана одним из самых могущественных туркменских правителей, располагавшим значительной казной, землями и войском. У него, по словам путешественника, было около сотни крепостей, и он постоянно объезжал их, ни в одной не задерживаясь надолго. Орхан начал чеканить собственную серебряную монету, строил в Бурсе мечети, бани, обители для дервишей и постоялые дворы для купцов. Его владение превращалось из пограничного владения в государство с устойчивыми институтами.

Историки давно спорят о характере раннего Османского государства. В 1930-х годах австрийский востоковед Пауль Виттек выдвинул теорию, которую называют теорией гази. По его мнению, османское государство выросло из пограничного братства воинов веры, для которых священная война с христианами была смыслом существования. Именно эта идея, считал Виттек, дала маленькому бейлику силу, которой не было у соседей. Позднее многие историки стали возражать. Они указывали, что ранние османы охотно брали в союзники византийских вельмож, женились на греческих принцессах, принимали на службу христиан и воевали с мусульманскими соседями не меньше, чем с греками. Турецкий историк Халил Иналджик и американский историк Хит Лоури показали, что в войске Османа и Орхана было немало христиан, а слово «гази» в ранних надписях означало скорее удачливого воина и добытчика, чем религиозного ревнителя. В современной историографии распространён подход, учитывающий обе стороны: идея войны за веру была реальной и важной, но она уживалась с самым трезвым расчётом и с готовностью договариваться с кем угодно.

Трудность в том, что ранних османских источников почти нет. Первые сохранившиеся турецкие хроники о деяниях дома Османа относятся к XV веку, через сто с лишним лет после событий. Самая известная из них принадлежит дервишу Ашыкпашазаде, который родился около 1400 года и записал рассказы, слышанные от стариков, а также использовал более ран-

нюю, не дошедшую до нас книгу. Его хроника образная, насыщенная рассказами о чудесах, снов и бесед героев, и историкам приходится сопоставлять её сообщения с другими свидетельствами. Византийские авторы того же времени смотрели на турок со стороны и тоже знали о них немного. Поэтому о первом веке Османского государства в историографии сохраняются разногласия.

Одним из ранних свидетельств, где османский правитель назван гази, считается надпись 1337 года на мечети в Бурсе. Орхан в ней именуется «султаном, сыном султана, гази, сыном гази, господином горизонтов, героем мира». Эта формула отражает прежде всего официальный образ власти Орхана, чем о повседневной практике его правления. Но она показывает, что уже во втором поколении династия использовала образ борьбы за веру для обоснования своей власти. Те же слова через несколько лет повторит и Энвери о своём Умуре.

Византия, против которой воевали османы, уже не была той империей, о которой рассказывали предыдущие тома. После того как в 1261 году греки вернули себе Константинополь, отнятый у них крестоносцами Четвёртого похода, империя династии Палеологов так и не оправилась. Она владела столицей, частью Фракии и Македонии, Фессалоникой, несколькими островами и землями на Пелопоннесе. Её казна была пуста, армия мала, и для войны приходилось нанимать иностранцев, будь то каталонцы, о которых рассказывалось в томе III, или те же турки. Положение усугубляли частые гражданские войны. В 1321–1328 годах воевали между собой дед и внук, император Андроник II и Андроник III, а в 1341–1347 годах империю раздирала ещё более тяжёлая война между регентами малолетнего Иоанна V и великим доместиком Иоанном Кантакузином.

Несмотря на политические потрясения и сокращение владений империи, византийская культура переживала заметный подъём. Именно в эти годы великий логофет Феодор Метохит, первый министр императора Андроника II, учёный, астроном и поэт, перестроил на свои деньги константинопольский монастырь Хора. Мозаики и фрески, созданные там около 1315–1321 года, считаются вершиной поздневизантийского искусства. На одной из них сам Метохит в огромной полосатой шапке преклоняет колени перед Христом, держа в руках модель храма. Позже здание стало мечетью Кахрие, затем музеем, а в 2020 году снова мечетью. Метохит пережил падение своего императора, был сослан, вернулся и умер монахом в том самом монастыре, который украсил. Историки называют эту эпоху Палеологовским возрождением.

Другим выдающимся учёным эпохи был ученик Метохита Никифор Григора, историк, астроном и богослов. Ещё в 1324 году он предложил императору исправить календарь, заметив, что юлианский год длиннее солнечного и праздник Пасхи постепенно смещается. Император, как пишет сам Григора, выслушал его с интересом, но реформу проводить побоялся, чтобы не смутить народ. На Западе календарь исправили лишь в 1582 году, при папе Григории XIII. Григора написал огромную «Ромейскую историю», где подробно рассказал о гражданских войнах своего времени, участником которых он был, и о спорах с Паламой, в которых он был одним из главных противников исихастов.

В этой войне Кантакузин сделал шаг, который имел далеко идущие последствия для империи. Для продолжения борьбы ему требовались войска, и он обратился за поддержкой к турецким правителям. Сначала его союзником стал тот самый Умур, правитель Айдына, с которым Кантакузина связывала, по словам византийских источников, искренняя дружба. Умур несколько раз приводил свои корабли и войска на помощь другу, и Энвери с гордостью описывает, как его государь выручал греческого императора. Затем, когда Умур был занят войной с латинянами, Кантакузин обратился к Орхану и в 1346 году выдал за него свою дочь Феодору. Византийская принцесса стала женой османского эмира, сохранив при этом, как пишут хронисты, свою христианскую веру. Османские отряды переправлялись в Европу как союзники одной из сторон гражданской войны, грабили Фракию и уводили пленных на рынки Малой Азии. Так османские войска приобрели опыт переправы через проливы.

Опасность первыми почувствовали не греки, а латиняне, владевшие островами Эгейского моря. После Четвёртого крестового похода, как отмечалось в первом томе, многие острова оказались в руках венецианцев, генуэзцев и мелких латинских сеньоров. Венеция владела Критом, Евбеей, которую итальянцы называли Негропонтом, и портами на Пелопоннесе. Герцогство Архипелага с центром на Наксосе принадлежало венецианскому роду Санудо. Генуэзцы держали Хиос и Фокею, богатую квасцами, а на Родосе с 1310 года обосновались госпитальеры, о которых подробно расскажет седьмая глава. Для всех них турецкие эмираты побережья, особенно Айдын и Ментеше, были прежде всего источником морских набегов. Небольшие быстроходные суда, выходили из гаваней Эфеса и Смирны, грабили острова, жгли деревни и уводили людей в рабство. Венецианские купцы жаловались, что торговля в Эгейском море оказалась под угрозой.

Особенно богатым владением генуэзцев был остров Хиос. В 1346 году генуэзская эскадра захватила его, и управление островом перешло к компании генуэзских купцов, которую называли маоной. Позже её члены приняли общую фамилию Джустиниани. Главным богатством Хиоса была мастика, ароматическая смола кустарника, растущего только на юге острова. Её жевали для свежести дыхания, добавляли в лекарства и сладости, и спрос на неё был по всему Средиземноморью. Маона держала торговлю мастикой в своих руках и строго наказывала тех, кто пытался продать её на сторону. Генуэзцы правили Хиосом больше двух веков, до 1566 года, в разные периоды выплачивая дань османским султанам.

Об этих набегах рассказывают и сами турки. Энвери описывает поход Умура на Евбею, откуда он вывез большую добычу, и на Пелопоннес, где его воины разорили латинские владения и вернулись с тысячами пленных. Рассказывает он и о том, как Умур подошёл к самому Негропонту и потребовал дани. Для автора это славные дела гази, для венецианских чиновников, писавших отчёты в метрополию, разорение и бедствие. Мы снова слышим два голоса об одних и тех же событиях, как слышали их в рассказах о Первом крестовом походе.

Кроме Айдына, на море воевали и другие бейлики. Южнее Айдына лежало владение Ментеше, со столицей в Милете, который турки называли Балат. Его беки тоже снаряжали корабли и нападали на острова. Венецианцы и госпитальеры то воевали с ними, то заключали торговые договоры, потому что через порты Ментеше в Европу шли зерно, квасцы, рабы и кони. В Балате сохранилась великолепная мечеть, построенная одним из беков в 1404 году среди руин античного города. К истории этого города мы ещё вернёмся.

Ответом на турецкие набеги стал новый вид крестового похода, который историки называют морскими лигами. Одними из главных сторонников такого подхода выступали венецианские политики. Вместо колоссальной сухопутной армии, идущей через половину известного мира к Иерусалиму, они предлагали держать в Эгейском море небольшой постоянный флот из нескольких десятков галер, на содержание которого скидывались заинтересованные государства. Такой флот должен был охранять торговые пути, нападать на турецкие гавани и уничтожать корабли пиратов. Папа давал этому союзу благословение и крестовые привилегии, позволял собирать на него церковную десятину и призывал христианских государей участвовать. Религиозные и торговые интересы соединились в одном военном предприятии.

Первая такая лига была заключена в 1334 году. В неё вошли Венеция, госпитальеры Родоса, византийский император, а затем папа и французский король. Флот из нескольких десятков галер осенью того же года разбил турецкий флот в заливе Адрамиттиона, у берегов Малой Азии. Это была заметная победа, но союз скоро распался: Франция была занята приготовлениями к войне с Англией, которая уже переросла в Столетнюю войну, а византийцы и венецианцы не доверяли друг другу. Тем не менее опыт показал, что объединённый флот может бить турок на море, и о нём не забыли.

Устройство морской лиги отличалось от прежних крестовых походов. Вместо того чтобы, как прежде, собирать огромное войско, которое должно было пройти через половину извест-

ного мира к Иерусалиму, участники договаривались выставить определённое число галер на определённый срок и вместе охранять море. Расходы делились между союзниками, каждый платил за свои корабли. Папа давал отпущение грехов и разрешал собирать на войну церковную десятину. Это было скорее похоже на военный союз нового времени, чем на старый крестовый поход. Историк Норман Хаусли, много писавший о позднем крестоносном движении, называет такие союзы главной формой крестового похода XIV века на Востоке.

Новый союз собрал папа Климент VI, избранный в 1342 году. Он славился щедростью, любовью к роскоши и искусству. При нём папский двор в Авиньоне стал одним из самых пышных в Европе. Его противники видели в нём воплощение мирской испорченности церкви. Но крестовые походы он принимал всерьёз и сумел сделать то, что не удавалось его предшественникам. В 1343 году сложилась новая лига, в которую вошли папа, Венеция, Кипр и госпитальеры. Каждый участник обязался выставить несколько галер. Командующим флотом стал генуэзец Мартино Дзаккария, бывший сеньор Хиоса, отлично знавший эти воды, а папским легатом при флоте патриарх Константинопольский Генрих Астийский. Титул Константинопольского патриарха в данном случае был номинальным: в Константинополе сидел греческий патриарх, а латинские прелаты носили этот титул в память о временах Латинской империи.

Целью нового похода стала Смирна, нынешний Измир, главная гавань и крепость Умура. Город состоял из двух частей: верхней крепости на горе, которую турки называли Кадифекале, и нижней приморской крепости у гавани, где стояли корабли эмира. В конце октября 1344 года латинский флот внезапно вошёл в гавань, высадил десант и после короткого боя взял нижнюю крепость. Турецкие корабли, стоявшие у берега, сожгли. Это была значительная победа: христиане впервые за много десятилетий захватили город на побережье Малой Азии. Весть о взятии Смирны облетела Европу, и в Авиньоне служили благодарственные мессы.

Смирна в те годы была городом двух крепостей. Нижняя, у гавани, принадлежала христианам, верхняя, на горе Пагос над городом, оставалась в руках турок. Между ними лежал полупустой город, где жили греки, турки, итальянские купцы, и где шла постоянная война с вылазками, засадами и перемириями. Христианский гарнизон снабжался по морю, турецкий по суше. Такое положение сохранялось почти шестьдесят лет. Для папства Смирна стала символом: пока там стоял крест, поход 1344 года можно было считать успешным.

Умур, однако, удержал верхнюю крепость на горе и осадил латинян в нижней. Победители оказались в ловушке: они владели гаванью и узкой полосой берега, а вокруг стояли турецкие войска. Через несколько месяцев, в январе 1345 года, руководители похода решили отслужить мессу в разрушенном соборе за пределами укреплений. Пока шло богослужение, турки напали на них. Легат Генрих Астийский, Мартино Дзаккария и многие рыцари были убиты. Это было тяжёлое поражение, и некоторые современники видели в нём наказание за легкомыслие. Но гавань осталась в руках христиан.

Весть о взятии нижней крепости Смирны и гибели предводителей похода пробудила в Европе волну воодушевления, какой не знали со времён Людовика Святого. Одним из тех, кто откликнулся на призыв, был человек, судьба которого сегодня выглядит почти невероятной. Гумберт II, дофин Вьеннский, правитель Дофине, области на юго-востоке Франции, был богат, честолюбив, набожен и непостоянен. Его единственный сын умер в детстве, и он не знал, что делать со своими владениями. Он долго вёл переговоры о продаже Дофине то папе, то французскому королю, и одновременно мечтал о славе. В 1345 году он предложил папе возглавить новый крестовый поход в Смирну. Климент VI, хотя и сомневался в его способностях, назначил его генерал-капитаном похода.

Гумберт отправился в путь с большой свитой, с женой, с духовенством и роскошным обозом. Он плыл через Италию, долго задерживался в Венеции, переправился в Эгейское море и прибыл к Смирне лишь летом 1346 года. Здесь он одержал несколько небольших побед над турками, вёл бесконечные переговоры с венецианцами, генуэзцами и госпитальерами, ссо-

рился с ними из-за командования и денег и тратил громадные суммы. Его жена умерла на Родосе. В 1347 году, так и не добившись ничего значительного, он заключил с турками перемирие и вернулся домой. Вскоре после этого Гумберт окончательно продал Дофине французской короне, постригся в монахи-доминиканцы и стал патриархом Александрийским, тоже, разумеется, только по титулу. С тех пор наследник французского престола носил титул дофина. История этого похода оказалась связана и с судьбой французской короны.

Венеция смотрела на поход дофина без восторга. Республика давала корабли за плату и требовала, чтобы каждое действие флота согласовывалось с её интересами. Венецианские капитаны, по словам хронистов, не скрывали, что видят в знатных крестоносцах скорее помеху, чем помощь. Для морских республик война с турецкими беками была прежде всего способом защитить торговые пути, и им не нужны были громкие победы, после которых придётся платить ещё больше.

Удержание Смирны требовало от союзников иных усилий, чем её захват. Победа на море открывала доступ к гавани, но не обеспечивала контроль над дорогами, ведущими в глубь Малой Азии. Гарнизон зависел от подвоза продовольствия, оружия и денег; каждое промедление с отправкой судов отражалось на его способности защищать укрепления. Венецианские и генуэзские купцы продолжали оценивать риск плавания прежде всего с точки зрения безопасности торговли. Военная цель и интересы морских республик совпадали далеко не всегда.

География придавала этим затруднениям особую остроту. Нижняя крепость была обращена к морю, тогда как возвышенности вокруг города позволяли противнику наблюдать за передвижениями гарнизона. Выход за стены превращался в самостоятельную операцию, для которой требовались люди и прикрытие. Даже успешная высадка подкреплений не означала, что крестоносцы могли навязать противнику сражение на выгодных условиях. Они закрепились на берегу, но не приобрели свободы действий за его пределами.

Для местных жителей длительное противостояние означало неопределённость. Одни семьи оставались в кварталах, находившихся под контролем латинян, другие искали защиты у турецких правителей или уходили из района боевых действий. Сведения о повседневной жизни Смирны в эти годы отрывочны, и по ним трудно восстановить судьбу каждого сообщества. Однако ясно, что осада не ограничивалась столкновением вооружённых отрядов: она меняла пути торговли, доступ к рынкам и привычные связи между городом и окрестными селениями.

Вопрос о том, кто должен оплачивать оборону, не имел простого ответа. Папские сборы, пожертвования государей и доходы участников союза поступали неравномерно. Корабль, который сегодня доставлял солдат, завтра мог понадобиться для охраны торгового каравана. Решения принимались в разных столицах, а известия между ними шли неделями. В результате командиры на месте часто вынуждены были действовать, не зная, когда прибудут обещанные средства.

Опыт Смирны обнаружил и ограниченность кратковременного военного успеха. Морская лига могла собрать силы для удара по определённой цели, но сохранить единство после победы было гораздо труднее. Участники по-разному представляли себе дальнейшие действия: для одних гавань была опорным пунктом будущих операций, для других — средством защиты судоходства. Различие этих ожиданий не отменяло достигнутого результата, но постепенно сужало возможности общего наступления.

Поэтому историю Смирны следует рассматривать не только как череду приступов и вылазок. Она показывает, насколько тесно позднесредневековый крестовый поход зависел от морской инфраструктуры, кредита и дипломатических соглашений. Религиозный призыв помогал собрать сторонников, однако удерживать крепость приходилось средствами обычного военного управления. Именно на этом расхождении между первоначальным воодушевлением и повседневными расходами нередко испытывалась прочность коалиции.

Историки нередко оценивают поход Гумберта с иронией. Однако этот поход показывает, как менялось само представление о крестовом походе в XIV веке. Он перестал быть движением масс, которое когда-то поднимало крестьян и рыцарей по всей Европе. Теперь это было предприятие отдельных государей, богатых и тщеславных, или купеческих республик, которые считали расходы и доходы. Рыцарь XIV века ехал на войну с турками за славой, за отпущением грехов и за приключениями, и для него не было большой разницы, ехать ли в Пруссию воевать с литовцами, как отмечалось в первом томеV, в Испанию воевать с маврами или в Эгейское море воевать с турками. Крестовый поход стал частью рыцарской культуры.

Сам Умур погиб в 1348 году, когда пытался отбить у латинян нижнюю крепость Смирны. Стрела попала ему в голову. Энвери описывает его смерть как смерть мученика за веру, павшего в священной войне. Без Умура эмират Айдын быстро потерял силу, а через полвека его поглотили османы. Латиняне же удерживали нижнюю крепость Смирны больше пятидесяти лет. Её охраняли госпитальеры, и она оставалась самым дальним форпостом латинского мира в Малой Азии, пока в 1402 году её не взял штурмом Тимур, о чём будет рассказано в третьей главе.

В те же годы, когда латиняне воевали за Смирну, Европу охватила эпидемия, последствия которой оказались тяжелее большинства военных потрясений того времени. Осенью 1347 года генуэзские корабли, пришедшие из Каффы, крымского порта, привезли в Мессину чуму. По рассказу итальянского нотариуса Габриэле де Мусси, болезнь появилась в Каффе, когда её осаждали войска Золотой Орды, и осаждающие будто бы забрасывали трупы умерших от чумы в город через стены. Историки сомневаются в этом рассказе, но то, что чума пришла в Европу с Востока по морским торговым путям, несомненно. За несколько лет она убила, по разным оценкам, от трети до половины населения Европы. Опустели целые деревни, вымерли монастыри, а в городах не хватало живых, чтобы хоронить мёртвых.

Чума не пощадила и мусульманский мир. В Каире и Дамаске, по словам арабских хронистов, умирали тысячи людей в день. Историк аль-Макризи, писавший позднее, рассказывает, что улицы Каира опустели и что погребальные носилки не успевали делать. Ибн Баттута, о котором говорилось в томе IV, оказался в Дамаске в разгар эпидемии и описал, как жители города, мусульмане, христиане и иудеи, вместе вышли в поле молиться о спасении, неся свои священные книги. В этот момент общей беды различия вер, по крайней мере ненадолго, отступили. Через несколько лет чума ушла, но потом возвращалась ещё много раз.

Сирийский учёный и поэт Ибн аль-Варди, живший в Алеппо, написал о чуме небольшое «Послание», где описывал, как она шла из страны в страну, «из Китая в Индию, из Индии в Персию», и как опустели города. В его религиозном толковании чума становилась мученичеством для единоверцев и наказанием для тех, кто не разделял их веру, и молил Бога о спасении. Через несколько месяцев после того, как он закончил своё послание, в 1349 году, он сам умер от чумы. Арабские врачи того времени спорили о том, заразна ли болезнь. Андалусский учёный Ибн аль-Хатиб, упомянутый в четвёртом томе, прямо писал, что зараза передаётся от человека к человеку, и это наблюдение опережало своё время.

Эпидемия чумы резко сократила людские и хозяйственные ресурсы многих европейских государств, осложнив подготовку крупных военных предприятий. Но она подорвала и силы тех, против кого эти походы были направлены. Хозяйство Мамлюкского Египта восстанавливалось медленно, а Византия, где чума тоже собрала множество жертв, стала ещё слабее. Выиграли от этого, как ни странно, османы. Их держава, ещё небольшая и молодая, быстро оправилась, а соседи, ослабленные мором, не могли им противостоять.

Итальянский поэт Франческо Петрарка, переживший чуму, писал другу о годе, когда умерли почти все, кого он любил. «Где теперь наши милые друзья, где любимые лица? Где ласковые слова, где лёгкие и весёлые беседы?» В апреле 1348 года в Авиньоне умерла Лаура, которой он посвятил свои сонеты. Петрарка записал на первом листе своей рукописи Верги-

лия день её смерти. В эти же годы его друг Боккаччо начал «Декамерон», где десять молодых людей бегут из охваченной чумой Флоренции на загородную виллу и рассказывают друг другу истории. Вступление к «Декамерону» остаётся одним из самых страшных описаний эпидемии в европейской литературе.

Решающий шаг османы сделали в 1354 году. Ещё в начале 1350-х годов отряды Орхана, приходившие во Фракию на помощь Кантакузину, закрепились в небольшой крепости Цимпе на европейском берегу Дарданелл. А в марте 1354 года страшное землетрясение разрушило стены Галлиполи, главного города на полуострове, и многих соседних крепостей. Жители бежали, и турки, которыми командовал сын Орхана Сулейман-паша, заняли развалины. Кантакузин просил вернуть город, предлагал выкуп, но Орхан отвечал, что не он взял Галлиполи, а Бог, разрушивший стены. С этого времени у османов был в Европе плацдарм, откуда они начали наступление на Фракию.

Османы сразу начали заселять фракийский берег. Из Анатолии переселяли туркменские семьи, кочевников и крестьян, им давали землю в покинутых или разорённых деревнях. На новых местах строили мечети, бани, обители дервишей. Византийские писатели с тревогой отмечали, что турки приходят не как налётчики, а как поселенцы, с жёнами и детьми, со стадами и повозками. Это было главной разницей между османами и прежними врагами империи: они оставались навсегда.

Византийский учёный Димитрий Кидонис, современник событий, писал, что падение Галлиполи потрясло жителей столицы. Многие, по его словам, бросали дома и думали бежать за море, в Италию. Кидонис был одним из тех греков, кто считал, что спасение может прийти только с Запада, и всю жизнь призывал к союзу с латинянами. Он даже выучил латынь, переводил Фому Аквинского на греческий и в конце концов перешёл в католичество. Другие греки, напротив, считали, что латиняне опаснее турок, потому что турки отнимают тело, а латиняне душу. Этот спор о том, кого бояться больше, будет звучать в Константинополе до самого 1453 года.

Переводы Кидониса имели неожиданные последствия. Многие византийские интеллектуалы впервые прочли латинских богословов в оригинальной форме и поразились строгости их логики. Одни, как сам Кидонис, стали сторонниками сближения с Римом. Другие, напротив, нашли в этих книгах новое оружие для спора с латинянами. А брат Димитрия, Прохор Кидонис, монах с Афона, использовал учение Фомы Аквинского против Паламы и был осуждён собором. Греческие и латинские книжники в эти годы спорили так горячо, как никогда прежде, и при этом знали друг друга лучше, чем когда-либо.

В те же годы в Константинополе разгорелся спор совсем другого рода. Монахи с горы Афон, которых называли исихастами, утверждали, что человек, очистив сердце молитвой, может увидеть нетварный Божественный свет, тот самый, что видели апостолы на горе Фавор. Их противником стал учёный монах Варлаам Калабрийский, грек из Южной Италии, который оспаривал это учение. Защитником исихастов выступил монах, а затем архиепископ Фессалоники Григорий Палама. Церковные соборы 1341 и 1351 годов поддержали Паламу, и его учение стало частью православного богословия. Варлаам же уехал в Италию, перешёл в католичество и, по иронии судьбы, учил греческому языку Петрарку. Этот спор касался, казалось бы, только монахов, но он углубил пропасть между Востоком и Западом: часть латинских богословов сочла учение Паламы несовместимым со своей традицией, а многие греки ещё больше утвердились в своей вере, отличной от латинской.

Пока в Константинополе спорили о Фаворском свете, на Балканах складывалась новая расстановка сил. Сильнейшим государством полуострова в середине XIV века была Сербия. Её царь Стефан Душан, правивший с 1331 по 1355 год, завоевал Македонию, Албанию, Эпир и Фессалию и в 1346 году короновался в Скопье как царь сербов и греков. Он составил знаменитый свод законов, Законник, и, по-видимому, мечтал взять Константинополь и стать импе-

ратором. Душан даже вёл переговоры с папой и предлагал возглавить крестовый поход против турок, если его признают главой этого предприятия. Но в 1355 году он внезапно умер, не дожив до пятидесяти лет, и его держава распалась на владения местных князей. Именно этим разделённым землям предстояло встретить османов.

Османы же продолжали наступать. Сын Орхана Мурад I, ставший эмиром около 1362 года, взял Адрианополь, второй город Фракии после Константинополя, и со временем перенёс туда свою столицу, назвав его Эдирне. Отсюда его войска двинулись на запад и на север, в Болгарию и Македонию. Константинополь оказался в окружении: с востока, за Босфором, лежали османские земли Малой Азии, с запада османская Фракия. Император правил теперь почти одним только городом и несколькими островами и приморскими крепостями.

К этому времени изменился и сам характер османского войска. При первых османских правителях постепенно складывались новые формы набора и подготовки пехоты, в том числе из обращённых в ислам юношей. Формирование корпуса янычар было длительным процессом, «нового войска», пехоты, преданной лично султану. Позже, с конца XIV века, набор стал регулярным: в христианских деревнях Балкан забирали часть мальчиков, отдавали их на воспитание в турецкие семьи, а затем делали из них воинов или чиновников. Этот обычай, называвшийся девширме, то есть набор, для христианских семей был страшным горем. Но для многих мальчиков из бедных деревень он открывал путь к карьере, о которой они не могли бы и мечтать: многие великие визири Османской империи в XV–XVI веках были бывшими христианами, взятыми по девширме.

С янычарами с самого начала был тесно связан дервишеский орден бекташи, названный по имени полулегендарного святого Хаджи Бекташа, жившего в XIII веке. Бекташи были мистиками, их учение было свободным и вбирало в себя многое из народных верований, в том числе христианских. Позже бекташийский шейх считался духовным покровителем янычар, и их казармы называли «очагом» святого. Вместе с бекташи по Анатолии и Балканам ходили и другие странствующие дервиши, которые селились на новых землях, строили обители и помогали обращению местных жителей. Историки считают, что именно эти простые проповедники сделали для распространения ислама на Балканах больше, чем войны султанов.

Основой османской конницы были сипахи. Каждый из них получал от правителя тимар, право собирать подати с нескольких деревень, и за это обязан был являться на войну с конём, оружием и несколькими воинами. Тимар не передавался по наследству автоматически: правитель мог отнять его у того, кто плохо служил. В завоёванных землях тимары нередко получали и христиане, бывшие местные землевладельцы, сохранявшие свою веру. В османских податных книгах XV века на Балканах встречаются сотни христианских имён среди сипахи. Для многих балканских рыцарей переход на службу к османам означал не потерю, а сохранение своих владений.

Османская держава, при всей своей воинственности, не была государством, где христиан преследовали за веру. Христиане и иудеи, по мусульманскому праву, о котором рассказывалось в томе I, получали статус зиммиев: они платили особый налог, джизью, и терпели ограничения, но могли сохранять свою веру, свои церкви и свои общины. Многие балканские крестьяне поначалу даже предпочитали турецкую власть власти собственных феодалов, потому что турки брали меньше налогов и не вмешивались в дела церкви. Об этом с горечью писали современники, и это обстоятельство многое объясняет в быстроте османских завоеваний. Но для тех, кто попадал в плен во время набегов, кого продавали на невольничьих рынках или у кого забирали детей, власть турок оставалась бедствием.

Монахи Афона, крупнейшего монашеского центра православного мира, поняли это одними из первых. Когда в 1380-х годах османы подошли к Святой горе, монастыри, по-видимому, сами признали власть султана и получили от него грамоты, подтверждавшие их владения. Позже эти грамоты обновлял каждый новый султан. Афон пережил всё османское влады-

чество, сохранил свои библиотеки и уклад, и монахи даже вспоминали, что турки обходились с ними бережнее, чем каталонские наёмники, разорявшие гору за полвека до того.

Одним из самых необычных свидетелей этой эпохи оказался византийский архиепископ. Григорий Палама, тот самый защитник исихастов, в 1354 году попал в плен к туркам, когда плыл из Фессалоники в Константинополь. Он провёл около года в плену, сначала в Галлиполи, потом в малоазийских городах, и написал о своих впечатлениях письма, которые сохранились. Палама рассказывает о встречах с турецкими учёными, об их вопросах и спорах о вере, о беседах с самим Орханом. Он замечает, что турки уважают Христа как пророка и спорят с христианами вежливо. Но он видит и страдания пленных христиан и с горечью пишет о греках, принявших ислам. Через год Паламу выкупили сербские купцы, и он вернулся в свою епархию.

Граница между османскими владениями и соседними христианскими государствами не была прямой линией, которую можно было обозначить на карте одним росчерком. Она проходила через горные перевалы, долины рек, рынки и дороги, по которым двигались купцы, паломники и вооружённые отряды. В одном округе местный правитель признавал верховенство султана, в другом ещё сохранял самостоятельность, а в третьем менял союзников в зависимости от исхода ближайшей войны. Для жителя пограничного селения вопрос о том, кому подчиняется его земля, часто имел вполне практический смысл: кто собирает подати, кто охраняет дорогу и кому жаловаться на грабёж.

Поэтому историю османского продвижения нельзя свести к последовательности взятых крепостей. Власть устанавливалась не только оружием. Правители заключали соглашения с местной знатью, принимали вассальную присягу, подтверждали владения монастырей и городских общин. Подобные решения могли быть вынужденными, но они позволяли сохранить хозяйство там, где продолжение сопротивления грозило разорением. Византийские, сербские и болгарские владетели оценивали положение каждый по-своему. Одни рассчитывали выиграть время, другие надеялись использовать османскую поддержку против соперников. Последствия таких расчётов далеко не всегда совпадали с намерениями их участников.

Не менее важными для закрепления власти были дороги. Военная победа становилась устойчивым приобретением лишь тогда, когда через занятую область можно было провести обоз, доставить фураж и поддерживать связь с гарнизоном. Равнины Фракии и долины, ведущие в глубь Балкан, облегчали передвижение конницы. Горные районы, напротив, позволяли небольшим отрядам надолго сохранять независимость, но затрудняли и собственную торговлю. Войско, уходившее далеко от своих складов и пастбищ, рисковало потерять боеспособность без единого большого сражения. Именно поэтому в повествованиях о походах следует замечать не только имена полководцев, но и переправы, мосты, пристани, сезон и состояние дорог.

Средневековые авторы редко описывали эту повседневную сторону войны подробно. Хронисту было важнее назвать государя, рассказать о его храбрости или объяснить поражение нравственным уроком. Между тем осада небольшого города могла зависеть от количества зерна за стенами, а решение полевого командира — от того, успели ли привести свежих лошадей. Дошедшие до нас сведения не позволяют восстановить каждую такую подробность. Но они напоминают, что за торжественными словами о завоевании стояли тяжёлый труд перевозчиков, кузнецов, строителей и земледельцев, чьи имена почти никогда не попадали в летописи.

Нельзя считать и население Балкан единой стороной конфликта. Здесь жили православные и католики, мусульмане, иудейские общины; говорили на разных языках, подчинялись разным правителям и принадлежали к разным общественным слоям. Принадлежность к вере не определяла автоматически политический выбор. Династические интересы, местные обиды, торговые связи и необходимость защитить семью могли оказаться важнее призывов далёких государей. Случалось, что христианские правители воевали друг с другом при участии османских союзников, а договоры между противниками заключались вскоре после ожесточённых столкновений.

Для сельского населения смена власти могла означать пересмотр повинностей и землепользования. Одни семьи покидали опасные места, другие возвращались к заброшенным полям, когда наступало относительное спокойствие. Переселения имели разные причины: часть людей перемещалась по распоряжению властей, часть искала более безопасную землю самостоятельно. Не следует представлять эти процессы ни как непрерывное уничтожение прежнего уклада, ни как безболезненное приспособление. В разных областях последствия завоевания различались, а документы чаще сообщают о налогах и владениях, чем о переживаниях простых жителей.

Пограничная торговля продолжалась даже тогда, когда официальные отношения между правителями оставались враждебными. На рынках требовались соль, ткани, металл, скот и зерно; купцы искали посредников, способных договориться с властями по обе стороны границы. Торговля не отменяла насилия, а военные действия не прекращали всякого обмена. В этой двойственности заключалась одна из особенностей позднесредневекового Средиземноморья и Балкан. Противники могли одновременно опасаться друг друга, заключать перемирия, обменивать пленников и разрешать проход торговым караванам.

Позднейшая память об этой эпохе нередко выстраивала события в простой рассказ о столкновении двух религиозных миров. Для современников же политическая картина была гораздо запутаннее. Религиозные убеждения придавали войне глубокий смысл и влияли на язык проповедей и хроник, однако сами решения принимались в условиях династического соперничества, нехватки денег, борьбы за крепости и поисков союзников. Такой взгляд не умаляет значения веры для людей XIV века. Он лишь помогает отличить их представления о происходящем от множества обстоятельств, которые определяли исход войны.

Галлиполи был важен не только как первая прочная опора османов на европейском берегу проливов. Его значение определялось географией: здесь соединялись морские пути из Эгейского моря к Мраморному и сухопутные дороги, ведущие вглубь Фракии. Кто удерживал укреплённую гавань и прилегающие переправы, тот получал возможность перемещать людей, лошадей и припасы между двумя берегами. Но само по себе обладание крепостью ещё не означало господства над всем проливом. Византийские и итальянские корабли продолжали действовать в этих водах, а условия плавания зависели от ветров, течений и времени года.

Перевозка конницы требовала гораздо более сложной организации, чем переправа небольшого пехотного отряда. Лошадей требовалось погрузить на приспособленные суда, обеспечить водой и кормом, а затем выгрузить в месте, где имелись подходящие причалы или пологий берег. Оттого контроль над портами имел прямое военное значение. Он сокращал время, необходимое для переброски подкреплений, и позволял поддерживать связь с анатолийскими владениями даже тогда, когда сухопутные маршруты оказывались опасными.

Переход Бурсы под власть Орхана в 1326 году придал османскому владению иной характер. До этого княжеская власть опиралась прежде всего на военную дружину и сеть небольших укреплений. Крупный город требовал постоянного управления: следовало поддерживать рынки, обеспечивать безопасность дорог, собирать пошлины и разбирать споры между жителями. Победа у крепостных стен была только началом более продолжительной работы.

Бурса не возникла на пустом месте. Её ремесленные традиции и связи с соседними областями сложились задолго до прихода османов. Новые правители были заинтересованы в сохранении хозяйственной жизни, поскольку без торговцев, мастеров и земледельцев завоёванная территория не могла снабжать войско. При этом смена власти неизбежно сопровождалась пересмотром обязанностей, прав на имущество и отношений с местной знатью. Положение разных общин зависело не только от общих распоряжений, но и от решений конкретных должностных лиц.

Важным этапом стало овладение Никеей в 1331 году. Для византийцев город сохранял особое значение: после захвата Константинополя крестоносцами именно здесь находился

центр империи, сумевшей в 1261 году вернуть столицу. Теперь Никея оказалась в составе растущего османского государства. Это был удар не только по обороне северо-западной Малой Азии, но и по представлению о возможности восстановить прежнюю систему византийских владений.

За Никеей последовала Никомедия, перешедшая под османский контроль в 1337 году. Её положение у восточной части Мраморного моря позволяло наблюдать за важными путями между азиатским берегом и проливами. Для османов эти приобретения создавали опорную полосу вокруг византийской столицы, хотя сам Константинополь ещё оставался недосягаемым для их осадных средств. Для империи же каждое новое поражение означало сокращение пространства, из которого можно было получать продовольствие, налоги и военную помощь.

Города нельзя рассматривать лишь как отметки на карте завоеваний. Их население включало торговцев, земледельцев из ближайших селений, духовенство, ремесленников и людей, связанных с прежней администрацией. Одни покидали дома, опасаясь насилия или потери имущества; другие оставались и пытались договориться с новой властью. Источники лучше рассказывают о действиях правителей и полководцев, чем о судьбах отдельных семей, поэтому масштабы переселений и повседневных потерь не всегда поддаются точному определению.

Расширение владений меняло и османское войско. Отряды пограничных воинов по-прежнему играли значительную роль, но удержание городов требовало гарнизонов, надзора за дорогами и более регулярного обеспечения. Доходы с земель и торговых сборов становились средством содержания людей, которые уже не могли постоянно жить за счёт добычи. Развитие этих порядков происходило постепенно; было бы неверно переносить устройство позднейшей Османской империи без изменений на время Османа и Орхана.

Положение византийского правительства осложняли внутренние распри. Во время гражданских войн претенденты на престол искали союзников среди соседних правителей, включая османских. Такие соглашения могли приносить немедленную военную выгоду, но усиливали зависимость от сил, чьи интересы не совпадали с интересами империи. Участники переговоров действовали в условиях краткосрочной опасности и не всегда могли предвидеть, как изменится соотношение сил через несколько лет.

Особое значение приобрели переправы через проливы. Мраморное море не было непреодолимой преградой: движение людей, товаров и военных отрядов связывало оба берега задолго до появления османов. Контроль над прибрежными пунктами облегчал переправу, но для закрепления в Европе требовались союзники, суда, продовольствие и возможность удерживать занятые крепости. Поэтому османское продвижение в Румелию следует объяснять сочетанием военных действий, дипломатических соглашений и кризисов у соседей.

В 1352 году османские войска получили опорный пункт в Цимпе на Галлипольском полуострове на фоне византийской междоусобицы. Два года спустя сильное землетрясение повредило укрепления ряда городов в районе проливов, и османы воспользовались возникшей возможностью, заняв Галлиполи. Природная катастрофа не была единственной причиной перемен, но ускорила процесс, к которому стороны уже подошли после многих лет конфликтов и переговоров.

Закрепление на европейском берегу открыло османским правителям путь к новым владениям во Фракии. Для местных жителей это означало неопределённость: изменялись условия военной службы, порядок взимания платежей, безопасность передвижения. Для правителей Балкан возникал новый дипломатический вопрос — считать ли османские отряды временными союзниками в междоусобной борьбе или самостоятельной силой, способной надолго изменить политическую карту региона. Ответы различались, и единой линии сопротивления тогда не существовало.

Именно на этом фоне стали понятнее ограничения ранних морских лиг. Их корабли могли наносить удары по прибрежным базам и охранять торговые пути, однако не могли сами

по себе остановить изменения в глубине Малой Азии или устранить распри византийских и балканских правителей. Морская война и борьба за сухопутные территории были связаны, но подчинялись разной логике снабжения, командования и политических интересов.

Византийская дипломатия столкнулась с противоречием, которое трудно было разрешить одним соглашением. Император мог добиваться помощи у западных государей, однако Венеция и Генуя оценивали положение прежде всего с точки зрения безопасности торговли. Их корабли заходили в порты, находившиеся под властью разных правителей; разрыв отношений с одним из них грозил потерей доходов и привилегий. Поэтому просьбы о совместном военном выступлении встречались с расчётами расходов, обсуждением пошлин и требованиями гарантий для купеческих общин.

Сами прибрежные города жили в ритме, не совпадавшем с календарём военных походов. В гавань прибывали суда с зерном, древесиной, солью, тканями и железом. Портовые рабочие разгружали трюмы, ремесленники чинили снасти, чиновники взимали сборы. Даже в годы войны этот оборот не прекращался полностью: менялись маршруты, возрастала цена перевозки, появлялись новые посредники. Для горожан исход переговоров мог быть не менее важен, чем известие о взятии соседней крепости.

Османское закрепление во Фракии постепенно изменяло положение местной знати. Владетель, сохранивший укреплённый замок, не обязательно располагал средствами для самостоятельной обороны. Ему приходилось искать покровителя, соглашаться на выплату дани либо предоставлять военную помощь более сильному соседу. Подобные договорённости не всегда означали немедленную смену веры или отказ от прежних обычаев. Важнее для сторон были безопасность владений, размер повинностей и возможность передать имущество наследникам.

Особую трудность для историка представляет язык источников. Византийский автор мог назвать противника общим именем, не различая отряды разных анатолийских правителей. Османская повествовательная традиция, складывавшаяся позднее, стремилась показать ранние завоевания как последовательное движение единой державы. Между тем политические союзы менялись, а участие местных командиров не всегда поддаётся точному восстановлению. Поэтому датировку отдельных переходов, осад и соглашений следует сопоставлять по нескольким свидетельствам, не превращая позднейший рассказ в бесспорный протокол событий.

Не меньшее значение имело состояние укреплений. После землетрясения 1354 года повреждённые стены Галлиполи и других городов требовали ремонта, а жители — жилья и продовольствия. В такой обстановке войско, способное быстро занять разрушенную крепость, получало преимущество перед противником, вынужденным собирать средства и рабочие руки для её восстановления. Стихийное бедствие не объясняет всей османской экспансии, но помогает понять, почему именно в этот момент положение на европейском берегу Дарданелл изменилось столь резко.

В итоге продвижение османов было связано с умением превращать отдельные военные успехи в устойчивое управление. Для этого требовались гарнизоны, дороги, сбор доходов, переговоры с землевладельцами и поддержание порядка на рынках. На противоположной стороне действовали правители, чьи ресурсы были разделены между собственными войнами и династическими спорами. Такая картина не умаляет роли религиозных представлений современников, но показывает, что судьба балканских земель решалась также в портах, казначействах и сельских общинах.

Так к середине XIV века крестовый поход, родившийся когда-то из мечты об Иерусалиме, повернулся лицом к новому противнику. Османы ещё не казались Европе смертельной угрозой. Для итальянских купцов они были опасными соседями, с которыми, однако, можно было торговать и договариваться. В папских призывах они упоминались среди противников, борьба с которыми получала религиозное обоснование, наряду с мамлюками, нехристианскими народами Прибалтики и религиозными движениями, осуждёнными церковью. Для византийцев они

были то союзниками, то врагами в бесконечных междоусобиях. Но к концу века всё изменится. Следующая глава рассказывает о последнем короле, который всерьёз мечтал отвоевать Иерусалим, и о том, как эта мечта столкнулась с действительностью.

Глава 2. Король-крестоносец: Пётр Кипрский и Александрия (1359–1390)

В 1369 году, уже после смерти героя, старый поэт Гильом де Машо закончил длинную стихотворную хронику, почти девять тысяч строк. Тот самый Машо, упомянутый в четвёртом томе, в молодости служил секретарём у слепого короля Иоганна Чешского и ездил с ним в Пруссию, теперь писал о другом государе, кипрском короле Петре I. Поэма называлась «Взятие Александрии». Машо начинает её не с войны, а с небес: боги Олимпа собираются на совет и решают, каким должен быть идеальный рыцарь, а затем дарят новорождённому принцу каждый своё. Венера даёт ему красоту, Марс отвагу, Меркурий красноречие. Сам Бог христиан посылает природу, чтобы она сотворила ребёнка совершенным. Такое начало нам кажется странным, но для Машо оно было естественным. Пётр Кипрский казался ему живым воплощением рыцарского романа, и писать о нём можно было только языком романа.

Немногие короли позднего Средневековья столь сильно занимали воображение современников. Пётр объездил почти всю Европу, уговаривая государей идти в крестовый поход, собрал флот, захватил и разграбил Александрию, второй город мамлюкского султаната. Через четыре года его зарезали в собственной спальне его же вассалы. Одни современники видели в нём нового Ричарда Львиное Сердце, другие называли безрассудным авантюристом, разорившим торговлю всего Средиземноморья. История Петра стала последней попыткой западного рыцарства вернуться к старой цели, к Иерусалиму, и потому она так важна для нашего рассказа.

Королевство Кипр, основанное, как отмечалось в первом томе, Гвидо де Лузиньяном после Третьего крестового похода, к середине XIV века было богатой и спокойной страной. После падения Акры в 1291 году на остров переселились представители латинской знати Сирии, а с ними перебрались торговые дома итальянцев. Порт Фамагуста на какое-то время стал одним из самых оживлённых рынков Средиземноморья. Немецкий паломник Лудольф фон Зюдхайм, побывавший на Кипре в 1330-х годах, рассказывал, что местные купцы богаче иных государей и что одна невеста из Фамагусты надела на свадьбу украшения, которые стоили больше, чем все драгоценности французской королевы. Лудольф, скорее всего, преувеличивал, но картина роскоши, которую он нарисовал, запомнилась его читателям.

Короли Кипра по-прежнему носили и титул королей Иерусалима. Коронацию на кипрский престол проводили в Никосии, а на иерусалимский — в Фамагусте, в соборе святого Николая, потому что этот приморский город смотрел на сирийский берег, где когда-то лежало утраченное королевство. Этот второй титул был почти пустым, но он напоминал каждому новому королю о том, чего от него ждут.

Пётр родился в 1328 году, он был вторым сыном короля Гуго IV. Отец его был человеком осторожным и учёным, любил беседы с богословами и философами, при его дворе жил итальянский писатель Боккаччо, посвятивший ему свою «Генеалогию языческих богов». Гуго не хотел войн и старался ладить с мамлюками, с которыми Кипр торговал. Сын рос совсем другим. Ещё юношей, около 1347 года, Пётр учредил собственный рыцарский орден, Орден Меча. Его знаком был серебряный меч остриём вниз, а девизом французские слова «Это ради того, чтобы хранить верность». По преданию, Пётр задумал этот орден после видения: ему явился образ святого креста, хранившегося в одном из кипрских монастырей, и он дал обет освободить Святую землю.

Отец не разделял этих мечтаний. Когда в 1349 году Пётр вместе со старшим братом тайно бежал с Кипра в Европу, чтобы искать союзников для крестового похода, Гуго послал за ними погоню. Беглецов вернули, и король на время заключил их в крепость. Так будущий король-крестоносец впервые узнал, что его мечта не всем кажется разумной.

В 1358 году старший брат Петра умер, и Гуго IV передал корону младшему сыну. Через год Пётр короновался в Никосии, а затем в Фамагусте. Рядом с ним с самого начала оказались два человека, которые повлияли на его судьбу больше других. Первым был Пьер Тома, кармелитский монах из Перигора, сын бедного крестьянина, ставший папским легатом на Востоке. Это был проповедник огромной силы, аскет, который годами ходил босиком и спал на голой земле. Вторым был французский рыцарь Филипп де Мезьер, ставший канцлером Кипрского королевства. О Мезьере нам ещё не раз придётся вспомнить, потому что он прожил долгую жизнь и почти всю её посвятил одной мысли: как вернуть Иерусалим.

Пётр начал с того, что было под рукой. На южном берегу Малой Азии, напротив Кипра, лежали земли турецких эмиров, тех самых бейликов, о которых шла речь в предыдущей главе. Армянский город Корикос, последний христианский порт Киликии, в 1360 году попросил кипрского короля взять его под защиту. Пётр послал туда гарнизон, и Корикос держался под властью Кипра ещё больше века.

Армянское царство в Киликии, о котором не раз шла речь в предыдущих томах, доживало последние годы. Оно было союзником крестоносцев на протяжении двух веков, но теперь со всех сторон его теснили мамлюки и туркменские эмиры. Кипрские короли были связаны с армянскими царями родством, и Пётр, судя по всему, видел в помощи армянам продолжение своего долга. Через десять лет после смерти Петра мамлюки взяли армянскую столицу Сис, и судьба последнего армянского царя, о которой рассказывалось в томе III, завершила историю этого союзника крестоносцев.

В 1361 году король собрал флот и высадился у Анталии, большого порта эмира Теке, которого Пётр считал опасным пиратом. Город был взят штурмом в конце августа. Соседние эмиры Алании и Манавгата поспешили признать себя данниками Кипра. Это был первый за многие десятилетия успех христианского государя против мусульман на востоке Средиземного моря, и вести о нём быстро разошлись по Европе. Анталия оставалась в руках киприотов до 1373 года.

Пётр понимал: одних сил Кипра для дальнейших походов недостаточно. Его королевство было богато, но мало, а за проливом лежали земли могущественного мамлюкского султаната, включавшие Египет, Сирию и Палестину. Чтобы бросить ему вызов, нужны были рыцари и корабли со всей Европы. В октябре 1362 года король оставил Кипр на попечение брата и отплыл на Запад. Его путешествие продлилось почти три года.

Среди средневековых государей Пётр выделялся настойчивостью, с которой искал союзников за пределами своих владений. Пётр побывал в Венеции и Генуе, в Авиньоне и Париже, в Лондоне и Праге, в Кракове и Вене. При дворах его встречали с почётом, устраивали турниры и пиры, а он рассказывал о страданиях христиан на Востоке и о том, как легко было бы, по его словам, теперь ударить по мамлюкам.

В Авиньоне в марте 1363 года папа Урбан V в Страстную пятницу провозгласил новый крестовый поход. Крест принял французский король Иоанн II, тот самый, что попал в плен к англичанам при Пуатье и только что вернулся из Лондона. Его назначили главой похода. Иоанн, по-видимому, был искренен, но у него не было ни денег, ни свободы рук. За его освобождение Франция всё ещё выплачивала англичанам огромный выкуп, а когда один из заложников, оставленных в Англии, бежал, король по рыцарскому обычаю сам вернулся в Лондон вместо него. Там он и умер в апреле 1364 года. Пётр Кипрский оказался в Англии примерно в то же время и, по рассказам хронистов, присутствовал на погребальных торжествах, а затем на коронации нового французского короля Карла V в Реймсе.

В Лондоне Петра принимал Эдуард III. В честь гостя на Смитфилдском поле устроили турнир, и король Англии, по словам хронистов, подарил кипрскому королю корабль. Но Англия и Франция всё ещё были в состоянии войны, хотя и прерванной миром, и ни один из

королей не собирался уходить на Восток, оставив соседа за спиной. Обещания были щедрыми, а реальной помощи почти не было.

Английские хронисты сохранили рассказ о знаменитом пире, который устроил в честь гостей лондонский виноторговец Генри Пикард, бывший мэр города. По преданию, за его столом в один день сидели пять королей: английский, французский, шотландский, датский и кипрский. Вероятно, это преувеличение, и короли бывали в Лондоне в разное время. Но лондонская гильдия виноторговцев до сих пор гордится «пиром пяти королей» и в память о нём на своих праздниках поднимает тост пять раз подряд.

Осенью 1364 года Пётр приехал в Краков. Польский король Казимир III Великий созвал туда необычный съезд государей. Приехали император Карл IV, венгерский король Людовик I, датский король Вальдемар IV и несколько князей поменьше. Повод был мирный, речь шла о спорах между Габсбургами и Люксембургами и о свадьбе императора, но присутствие Петра превратило съезд и в собрание сторонников крестового похода. Позднее краковские хронисты рассказывали о пире, который устроил для гостей богатый горожанин Миколай Вежинек, и о турнире, на котором будто бы победил сам кипрский король. Ресторан на краковской Рыночной площади до сих пор носит имя Вежинека и гордится этим пиром, хотя историки сомневаются, был ли пир именно у него. Карл IV также не предоставил войска.

Мезьер, сопровождавший короля в этом путешествии, позже с горечью вспоминал, как государи Европы радушно встречали Петра, хвалили его замысел и отпускали ни с чем. Каждый находил причину остаться дома. Англичане воевали с французами, французы были истощены войной и выкупом, император был занят делами Германии, венгерский король мечтал о походе, но только против своих балканских соседей. И всё же Пётр не отступился. Он решил, что пойдёт сам, с теми, кто захочет за ним последовать.

Путешествие Петра было и рекламой, и дипломатией. Король привозил с собой подарки: кипрские ткани, сахар, вина, экзотических животных. Он раздавал знаки своего ордена Меча европейским рыцарям, и многие из них потом действительно пришли в Венецию к его флоту. В списке участников похода на Александрию историки нашли немало имён тех, кто получил от Петра этот знак во время его поездки. Так личное обаяние короля превращалось в военную силу.

За торжественными встречами при европейских дворах оставался вопрос, на который ни один государь не мог ответить одной клятвой: кто оплатит перевозку войска и его содержание после высадки? Путь от согласия участвовать в походе до появления вооружённого отряда в порту был долог. Рыцарю требовалось собрать людей, приобрести лошадей, договориться о фрахте судна и оставить дома средства для управления имуществом. Обещание, произнесённое при дворе, ещё не означало, что человек успеет к назначенному сроку.

Кипрское королевство имело важное преимущество перед сухопутными участниками будущей экспедиции. Его порты были связаны регулярными морскими перевозками с побережьем Леванта, Анатолией и итальянскими городами. Местные купцы и корабельщики знали, где искать древесину для ремонта, какие пристани удобнее для погрузки и сколько пресной воды понадобится экипажу. Однако опыт торговли не превращался автоматически в возможность снарядить военный флот: вооружённый корабль требовал большего числа людей и запасов, чем обычное купеческое судно.

В Фамагусте сходились интересы королевской власти, городских торговцев и представителей итальянских республик. Генуэзцы и венецианцы располагали собственными деловыми связями, кредитом и судами, но не всегда разделяли замыслы кипрского двора. Для купца важнее всего было сохранить возможность прибыть в египетский порт и получить оплату за товар. Военный поход против Александрии грозил поставить под удар не только отдельную сделку, но и целую сеть долговых обязательств и торговых разрешений.

Доходы от кипрского сахара составляли заметную часть богатства острова. Сахарный тростник требовал орошения, рабочих рук и сложной переработки; готовый продукт отправляли на рынки Средиземноморья. Виноградники, хлопок и другие сельскохозяйственные товары также связывали остров с морской торговлей. Поэтому расходы на поход затрагивали хозяйство, зависевшее от сезонного труда и регулярного вывоза продукции. Деньги, направленные на вооружение кораблей, нельзя было одновременно вложить в ремонт водоподъёмных устройств или оплату перевозки урожая.

Королевская власть опиралась не только на собственные доходы, но и на обязательства знати. Кипрские сеньоры были связаны с династией Лузиньянов земельными владениями и службой, однако степень их готовности к дальнему походу различалась. Одни рассчитывали получить военную славу и укрепить положение при дворе. Другие опасались оставить имения без надзора или нести расходы, которые не возместит даже удачная добыча. Споры о повинностях редко становились главным сюжетом рыцарских хроник, хотя именно от них зависела численность собранных отрядов.

Особую трудность представляла перевозка лошадей. На море животные нуждались в воде, корме, свободном пространстве и уходе. Непогода могла задержать корабли на несколько дней, а значит, запас приходилось рассчитывать с избытком. Даже после благополучного прибытия коннице требовалось время, чтобы восстановить силы. В порту, где одновременно высаживались люди, оружие и припасы, возникала неизбежная теснота. Скорость выгрузки могла решить судьбу предприятия не меньше, чем мастерство воинов.

Галеры давали командованию возможность быстро передавать распоряжения и действовать в прибрежных водах, но их возможности зависели от числа гребцов, состояния вёсел и доступности воды. Более вместительные транспортные суда не обладали такой манёвренностью. Смешанный флот требовал согласования скорости: быстроходный корабль не мог бесконечно уходить вперёд, оставляя за собой суда с продовольствием и осадным снаряжением. Командирам приходилось думать не только о встрече с противником, но и о том, как сохранить соединение в пути.

Вопрос о продовольствии был особенно острым из-за неопределённости сроков. Планируя внезапное нападение, участники могли надеяться на короткую операцию. Но повреждение корабля, встречный ветер или задержка союзного отряда быстро меняли расчёты. Сухари, солонина, бобовые, вино и вода занимали место, которое хотелось отдать оружию и людям. Приходилось выбирать между большей численностью десанта и надёжностью снабжения. Подобный выбор оставался за пределами праздничных речей о предстоящем подвиге.

Собранное войско не было единым организмом. Французские и английские рыцари, кипрские вассалы, моряки из итальянских городов и люди госпитальерского ордена подчинялись разным привычкам службы. У каждого отряда были свои начальники, представления о добыче и сроках участия. Королю предстояло добиться согласия по вопросам, которые до первого столкновения казались второстепенными: кому поручить охрану кораблей, кто отвечает за пленных и каким образом делить захваченное имущество.

Не меньшее значение имела тайна направления удара. Чем больше кораблей и людей собиралось в одном месте, тем труднее было скрыть приготовления. Купеческие капитаны, посланцы и путешественники переносили известия из порта в порт. Противник мог узнать о снаряжении флота задолго до выхода в море, даже не зная конечной цели. Поэтому решение о маршруте было одновременно военным и дипломатическим: следовало сохранить неожиданность, не разрушив доверия между участниками коалиции.

На Кипре подготовку к походу воспринимали по-разному. Для придворных хронистов она подтверждала решимость короля вернуть крестоносному движению прежний размах. Для городских ремесленников она означала заказы на канаты, паруса, бочки и металлические изделия. Для семей моряков — ожидание известий и риск потерять кормильца. Эти разные взгляды

не противоречат друг другу. Они показывают, насколько широким было воздействие решения, принятого в королевском совете.

Именно на этом фоне следует оценивать успех дипломатических поездок Петра. Ему удалось привлечь внимание европейских дворов и собрать участников из разных земель, но он не создал постоянной коалиции с единым казначейством и обязательствами на годы вперёд. Экспедиция зависела от личного авторитета короля, согласия отдельных командиров и возможностей островного государства. Такая организация могла обеспечить внезапный удар; гораздо труднее было бы опереться на неё при длительной оккупации крупного египетского города.

В июне 1365 года Пётр отплыл из Венеции. Вокруг его знамени собралось пёстрое войско. Были здесь французские и английские рыцари, искатели славы из Германии и Нидерландов, гасконцы и итальянцы. Среди англичан выделялся молодой граф Херефорд. Венеция дала часть кораблей, хотя и неохотно. Сенат Республики понимал, что поход против Египта может обернуться потерей богатейшей торговли пряностями, и пытался выведать у короля его цель. Пётр её держал в тайне.

Флот собрался у Родоса, где правили рыцари-госпитальеры, о которых ещё будет речь в седьмой главе этой книги. Госпитальеры прислали свои галеры. Кипрские корабли подошли с востока. Всего, по данным разных источников, набралось от ста пятидесяти до ста шестидесяти пяти судов, из них множество галер и транспортов для коней. Пьер Тома в последний раз благословил войско. В начале октября флот вышел в море. Большинство рыцарей до последнего не знали, куда их ведут, и многие думали, что целью будет Сирия.

Позже было немало споров о том, почему Пётр выбрал Александрию. Город был громадным торговым портом, через который шла торговля Индии и Аравии с Европой. Здесь хранились склады перца, корицы, шёлка, сахара. Захватив Александрию, рассуждал, вероятно, король, можно было либо удержать её как залог и выменять на Иерусалим, либо по крайней мере нанести султанату такой удар, после которого он станет сговорчивее. Похожую мысль за полтора века до того имели участники Пятого крестового похода, осаждавшие Дамиетту, о чём рассказывалось в томе III. Кроме того, в Египте как раз царило безвластие. Султаном был мальчик, аль-Ашраф Шабан, а страной управлял эмир Ялбуга, с которым соперничали другие эмиры. Пётр, судя по всему, рассчитывал на внезапность.

О том, что значила Александрия для европейской торговли, хорошо знали в Венеции. Каждый год из лагуны уходил в Египет и Сирию караван государственных галер, так называемая муда, и возвращался с перцем, имбирём, гвоздикой, мускатным орехом, ладаном и хлопком. У венецианцев, генуэзцев, каталонцев и марсельцев были в Александрии свои подворья, фондако, большие здания с внутренним двором, складами и жильём для купцов, которые на ночь запирали снаружи египетские стражники. Папы не раз запрещали торговлю с мамлюками под угрозой отлучения, но купцы покупали у курии разрешения на отдельные рейсы, и торговля не прерывалась. Для Венеции война с Египтом означала потерю едва ли не самого прибыльного дела.

Христианская жизнь в мамлюкских владениях тоже продолжалась. В 1330-х годах неаполитанский король Роберт Анжуйский и его жена Санча выкупили у султана право на часть холма Сион в Иерусалиме, где, по преданию, была Тайная вечеря, и передали её францисканцам. В 1342 году папа Климент VI утвердил их как хранителей святых мест. Францисканская Кустодия Святой земли существует по сей день. Монахи принимали паломников, водили их по святым местам и служили в храме Гроба Господня. Итальянский францисканец Никколо да Поджибонси, проведший на Востоке несколько лет в середине XIV века, оставил подробный путеводитель, где описал каждую часовню и каждую пошлину, которую приходилось платить паломникам. Набег на Александрию поставил весь этот хрупкий порядок под угрозу.

У Александрийского порта было несколько лиц. Для купца он начинался с причала, где нужно было найти место для разгрузки, договориться с носильщиками и представить товар

таможенным чиновникам. Для городских властей гавань означала поступление пошлин, работу складов и необходимость поддерживать безопасность. Для моряка она была прежде всего сложным подходом к берегу, где знание ветров, глубин и расположения сооружений порой значило не меньше, чем качество корабля. Эти разные интересы объясняют, почему военная экспедиция против порта неизбежно затрагивала людей, не имевших отношения к решениям султана или кипрского короля.

Движение товаров через Александрию не сводилось к прямой линии между двумя берегами моря. Пряности и ткани могли проходить через руки нескольких посредников задолго до появления у египетского побережья. Караванные и речные перевозки, кредитные соглашения, услуги переводчиков и поручительства купеческих домов связывали порт с внутренними областями Египта и более дальними рынками. При такой организации торговли даже кратковременное прекращение работы гавани отзывалось далеко за её пределами: товар задерживался, срок платежа наступал прежде получения выручки, а кредитор требовал исполнения обязательства независимо от причин задержки.

При этом интересы иностранных торговцев не всегда совпадали с интересами правителей их родных государств. Венецианец, живший в Александрии или ожидавший там груз, мог считать поход Петра прямой угрозой своему благополучию, хотя участники экспедиции говорили о защите христианского мира. Купеческая община нуждалась в разрешениях на проживание, предсказуемых пошлинах и возможности обращаться к властям при споре. Политическая риторика крестового похода не отменяла этой повседневной зависимости от договорённостей с мусульманской администрацией.

Особое место занимали переводчики и посредники. Стороны использовали разные языки и правовые обычаи, а сделки требовали точного определения веса, качества, срока поставки и ответственности за повреждённый груз. Посредник, знавший местные правила, мог предупредить конфликт ещё до того, как он становился предметом разбирательства. Во время войны такие люди оказывались в особенно уязвимом положении: привычные связи вызывали подозрения, а способность вести переговоры превращалась одновременно в средство спасения и в источник риска.

Городские склады были не просто привлекательной добычей для нападавших. Они были звеном хозяйственного порядка, в котором участвовали владельцы товаров, арендаторы помещений, охрана, носильщики и сборщики пошлин. Разграбление склада уничтожало не один предмет, а целую цепочку взаимных требований. Поэтому оценить ущерб по перечню захваченных тканей или мешков с пряностями невозможно: потеря документов, долговых расписок и средств к существованию могла оказаться для жителей не менее тяжёлой, чем утрата самого товара.

Население Александрии также не было единым целым. В городе жили люди разных вероисповеданий, занятий и достатка; приезжие моряки и купцы соседствовали с ремесленниками, служителями культовых учреждений, бедняками и представителями власти. Во время внезапного нападения их возможности защитить себя различались. Богатый торговец мог попытаться спрятать ценности или договориться о выкупе; семья портового работника часто располагала лишь тем, что могла унести. Военная хроника редко даёт этим людям имена, но именно их судьбы позволяют увидеть последствия похода за пределами придворного повествования.

Для историка особенно важно не превращать подробности экономической жизни в уверенные цифры, которых источники не сообщают. Мы можем объяснить, почему прекращение торговли причиняло убытки, но не вправе без документов подсчитывать доходы каждого купеческого дома или утверждать, будто все жители одинаково пережили нападение. Наблюдения хронистов следует сопоставлять с характером их произведений: поэт стремился показать доблесть государя, городской автор — бедствие общины, а торговая переписка, если она сохранилась, прежде всего фиксировала обязательства и потери.

Именно в этом противоречии заключалась одна из особенностей поздних крестовых походов. Военная победа могла выглядеть убедительной в рассказе о взятой стене и поднятом знамени, но превращалась в политическую проблему, когда требовалось удерживать гавань, кормить гарнизон и не разрушить торговые отношения, от которых зависело собственное королевство. Поход на Александрию особенно ясно показал разницу между успехом внезапного удара и возможностью изменить расстановку сил в Восточном Средиземноморье.

Девятого октября 1365 года жители Александрии увидели на горизонте множество парусов. Сначала многие решили, что это торговые суда, которые часто приходили в эту пору. Когда стало ясно, что приближается военный флот, город охватила тревога. Гарнизон был невелик, губернатор находился в отъезде, в паломничестве. Наутро, десятого октября, крестоносцы высадились на западном берегу, у старой гавани.

Подробный рассказ о том, что случилось дальше, оставил египетский писатель Мухаммад ибн Касим ан-Нувайри, уроженец Александрии. Он не был очевидцем самой высадки, но приехал в город вскоре после этих событий и расспрашивал уцелевших. Его колоссальная книга, «Китаб аль-Ильмам», писалась несколько лет и была посвящена именно этому несчастью. Ан-Нувайри рассказывает, что многие горожане вышли на берег поглядеть на чужеземцев, как на зрелище, не понимая опасности. Добровольцы, не имевшие ни доспехов, ни выучки, бросились в бой и погибли под стрелами. Затем враги подошли к стенам.

Город взяли в тот же день. Христианские источники рассказывают, что стены штурмовали с нескольких сторон, а ворота у таможни подожгли. Ан-Нувайри пишет, что мусульмане бежали через другие ворота, давясь в проходах, и что многие погибли в давке. Затем начался грабёж, длившийся несколько дней. Грабили лавки и склады, мечети и дома. Ан-Нувайри с ужасом пишет о том, что победители не щадили никого: ни мусульман, ни местных христиан, ни евреев, ни даже купцов из Европы, чьи склады стояли в городе. Венецианские, генуэзские и каталонские торговцы, жившие в Александрии, потеряли товары не меньше, чем египтяне. Тысячи людей, мужчин, женщин и детей, увели в плен. По одним оценкам, их было около пяти тысяч, по другим, ещё больше.

Машо, напротив, описывает взятие города как подвиг. Его Пётр первым бросается на стену, рубит врагов, ведёт за собой отстающих. Поэт подробно перечисляет рыцарей, отличившихся в бою, и об убитых горожанах почти ничего не говорит. Два рассказа, египетский и французский, словно описывают разные события. В одном это нападение пиратов на мирный город, в другом образец рыцарской доблести. Историку приходится держать в голове оба.

Через несколько дней стало ясно, что удержать город невозможно. С юга подходило мамлюкское войско. Рыцари, обременённые добычей, не хотели сидеть в осаде. Пётр, если верить Машо и Мезьеру, умолял их остаться, напоминал о данном обете, говорил, что Александрия станет ключом к Иерусалиму. Но большинство, и прежде всего англичане и знать, приехавшая из-за моря, требовали возвращения. Корабли были перегружены пленными и товарами. Шестнадцатого октября флот ушёл. В опустевшем городе дымились склады и мечети. Мезьер позже писал о «позоре» тех, кто заставил короля уйти, а Пьер Тома, по его словам, плакал, глядя на уходящий берег.

Для Египта набег стал потрясением. Хронист аль-Макризи, о котором уже говорилось в предыдущей главе в связи с чумой, позже писал, что Александрия так и не оправилась после этих дней. Он, вероятно, сгущал краски, но город действительно долго восстанавливался. Власти султаната ответили на удар по-своему. Христиан в Египте и Сирии, и местных, и иноземных купцов, на время заключили под стражу, обложили новыми податями, их церкви ограбили. Храм Гроба Господня в Иерусалиме на какое-то время закрыли для паломников. Так набег, задуманный ради христиан Востока, обернулся для них прежде всего бедой.

Ялбуга, правитель Египта, начал строить большой флот, чтобы отомстить Кипру. Но в 1366 году он был убит своими же мамлюками, и флот так и не вышел в море. Однако угроза мести надолго стала частью жизни острова.

После ухода кипрского флота александрийцам пришлось решать задачи, о которых победные реляции почти не сообщали. Требовалось искать пропавших родственников, приводить в порядок повреждённые дома и мастерские, возвращать товары на рынки. Пожар или разграбление склада означали для торговца утрату капитала, а для грузчиков и ремесленников — потерю заработка. Город мог восстановить движение судов сравнительно быстро, но отдельные семьи ощущали последствия нападения гораздо дольше.

Для мамлюкских властей нападение обнаружило уязвимость крупного торгового порта. Охрана сухопутных путей сама по себе не защищала от морской высадки. Приходилось думать о наблюдении за побережьем, готовности гарнизона и возможности перебросить подкрепления к месту нападения. Однако укрепление каждого прибрежного города требовало расходов, а войска были нужны и во внутренних областях султаната. Поэтому ответ не мог сводиться к обещанию немедленно построить флот, равный кипрскому.

Торговля между Египтом и средиземноморскими портами не прекратилась навсегда. Слишком многие участники обмена были заинтересованы в её возобновлении: правители получали пошлины, купцы — прибыль, города — продовольствие и работу. Но после нападения привычные соглашения перестали казаться надёжными. Капитаны оценивали не только цену товара, но и вероятность задержания судна, захвата груза или внезапного запрета на заход в гавань.

Положение европейских торговцев в Египте оказалось особенно непростым. Они не обязательно поддерживали действия Петра Кипрского и зачастую стремились отмежеваться от них. Для местных властей, однако, различия между кипрскими рыцарями и купцами из итальянских городов могли иметь меньшее значение, чем для самих купцов. Посольства и посредники должны были вновь объяснять, кто отвечает за нападение, какие соглашения сохраняют силу и на каких условиях можно возобновить торговые операции.

Вопрос о пленных не укладывался в простое противопоставление победителей и побеждённых. Люди, захваченные в Александрии, могли оказаться в разных руках: у участников похода, у перекупщиков, у владельцев судов. Чтобы добиться освобождения конкретного человека, его семье требовалось сначала узнать, где он находится. Затем следовали переговоры о сумме выкупа, способе передачи денег и гарантиях возвращения. Каждый из этих этапов создавал пространство для посредничества, обмана и затяжных споров.

В таких переговорах религиозные учреждения и купеческие связи нередко становились практическими каналами помощи. Посредник мог передать письмо, подтвердить личность пленника или договориться о безопасной встрече. Но участие духовных лиц не означало, что все стороны действовали из одинаковых побуждений. Одни стремились вернуть близких, другие — исполнить обязательства перед общиной, третьи — получить вознаграждение. За громкими заявлениями о войне оставалась повседневная работа по возвращению людей домой.

Наконец, сама оценка александрийского похода зависела от того, чей опыт считать главным. Для сторонников Петра взятие города доказывало, что хорошо подготовленный морской удар способен застать сильного противника врасплох. Для жителей Александрии это были дни разрушения и утрат. Для венецианских и других торговых кругов поход означал риск длительного разрыва выгодных связей. Эти оценки не исключают друг друга: они показывают, почему военный успех не превратился в устойчивое политическое приобретение.

Пленники, увезённые из Александрии, стали предметом долгих переговоров. Многих продали на рынках Кипра, Родоса и Крита, других держали ради выкупа. Мамлюкские власти требовали их возвращения как условия мира. Часть пленников вернулась домой по договору,

заключённому уже после смерти Петра. Судьбы остальных неизвестны. Среди них были и египетские христиане-копты, которых крестоносцы при грабеже не отличали от мусульман.

Сильнее всего возмутились итальянские купцы. Венеция торговала с Египтом пряностями, и каждый перерыв в этой торговле стоил Республике огромных денег. Венецианские сенаторы, как говорили, нарочно распустили по Европе слух, будто между Кипром и султаном уже заключён мир, чтобы новые отряды крестоносцев не ехали на Восток. Позднее с Египтом начались долгие переговоры, и посредниками в них выступали те же итальянцы. Каталонцы и генуэзцы тоже требовали восстановить торговлю. Пётр оказался в положении, которое потом не раз повторится: торговые республики, без кораблей которых был невозможен никакой морской поход, оказывались союзниками ненадёжными, потому что их доходы зависели от мира с противником.

Пётр между тем не сдавался. В 1367 году его галеры напали на сирийское побережье. Был разграблен Триполи, в огне оказались Тортоса и Латакия, а в Киликии кипрское войско захватило порт Аяс. Это были набеги, а не завоевания: город брали, грабили и уходили. Тем временем Пьер Тома умер в Фамагусте в январе 1366 года. Мезьер написал его житие, и кармелиты позже почитали его как святого.

Набеги 1367 года описывает и арабский автор ан-Нувайри, продолживший свою книгу. Он рассказывает, как жители сирийских портов, наученные александрийским опытом, при появлении кипрских галер уходили с имуществом в горы, а наместники собирали войска на берегу. Нападавшие теперь встречали отпор. Набег на Триполи, по его словам, закончился тем, что франки сожгли несколько складов и ушли, потеряв немало людей. Мамлюкская держава, хотя и потрясённая, оставалась сильной, и одними набегами её нельзя было сломить.

В 1367–1368 годах Пётр снова отправился на Запад. Он надеялся набрать новых рыцарей, но встречал всё меньше понимания. Папа Урбан V советовал ему заключить мир с мамлюками. Европа была занята своими войнами. Пётр вернулся на Кипр в 1368 году, и через несколько месяцев его не стало.

О последних месяцах жизни Петра подробно рассказывает кипрский хронист Леонтий Махера. Он писал в начале XV века на кипрском диалекте греческого языка, полном французских и итальянских слов, и его книга, «Повесть о сладкой земле Кипр», остаётся главным рассказом о средневековом острове. Махера был греком, служил в канцелярии латинских королей и, похоже, относился к Петру без особого почтения. По его словам, король, вернувшись из Европы, стал подозрителен и жесток. Он обижал знать, бросал в тюрьмы недовольных, захватывал чужие земли, а при дворе шли разговоры о его любовницах и о том, что королева Элеонора Арагонская в его отсутствие изменяла ему. Пётр, судя по рассказу хрониста, мстил тем, кого подозревал, и задевал честь знатнейших семей.

На рассвете 17 января 1369 года несколько рыцарей ворвались в королевскую спальню в Никосии. Пётр, разбуженный шумом, будто бы спросил, чего они хотят. Его закололи мечами. Махера пишет, что убийцы действовали с ведома двух младших братьев короля, Иоанна и Жака. Историки до сих пор спорят, насколько они были замешаны, но после убийства братья не стали наказывать заговорщиков и правили островом при малолетнем сыне Петра. Тело короля похоронили без особых почестей.

Мезьер, бывший тогда в Европе, узнал о смерти короля с отчаянием. Он остался на Западе, поступил на службу к французскому королю Карлу V, стал воспитателем дофина, будущего Карла VI, и много лет спустя написал аллегорическую книгу «Сон старого паломника». В ней Пётр Кипрский предстаёт рыцарем без страха и упрёка, павшим жертвой неблагодарности. Машо закончил «Взятие Александрии» сценой убийства, написанной с гневом. Его поэма, хоть и пристрастная, сохранила множество подробностей, известных только из неё.

Смерть Петра стала началом упадка острова. Его сын Пётр II был ещё мальчиком. Во время его коронации в Фамагусте в 1372 году генуэзские и венецианские послы поссорились

из-за того, кому вести коня короля под уздцы. Ссора перешла в драку, а драка в погром генуэзских купцов. Генуя ответила войной. В 1373 году на остров высадилось генуэзское войско, Никосия была разграблена, а Фамагуста в 1374 году перешла в руки Генуи и оставалась генуэзской почти сто лет. Кипр обязался выплачивать громадную дань. Королевство, которое ещё недавно грозило Египту, само превратилось в данника итальянской республики.

Утрата Фамагусты была не просто потерей крепости. Её гавань служила одним из главных пунктов перевалки товаров между Восточным Средиземноморьем и европейскими рынками. Здесь встречались капитаны, посредники, сборщики пошлин и купцы, говорившие на разных языках. Контроль над портом давал возможность определять условия торговли, взимать сборы и влиять на движение судов. Для кипрской короны это означало сокращение доходов именно в тот момент, когда ей требовались средства на содержание двора, гарнизонов и укреплений.

Генуэзское вмешательство показывает, почему деление средневековой политики на противостояние христиан и мусульман слишком упрощает картину. Генуя и Кипр принадлежали к христианскому миру, но это не мешало им вести ожесточённую борьбу за торговые преимущества. Напротив, общие религиозные представления сосуществовали с соперничеством за гавани, долги и право устанавливать пошлины. Не менее важными для итальянских городов оставались договорённости с египетскими и сирийскими торговыми партнёрами. Война могла приносить доход одним участникам и разорять других независимо от их вероисповедания.

Особенно тяжело перемены отражались на тех, кто не принимал решений о войне. Портовые работники, лодочники, мелкие торговцы и владельцы складов зависели от непрерывного движения грузов. Когда гавань переходила под контроль новой власти, менялись порядок взимания платежей и условия допуска судов. Даже если ремесленные мастерские продолжали работать, их хозяевам приходилось искать новых заказчиков и поручителей. Источники, написанные при дворах правителей, обычно уделяют этим людям гораздо меньше внимания, чем судьбе королей и военачальников.

Само кипрское общество было сложнее, чем можно заключить по рыцарским хроникам. Латинская династия Лузиньянов управляла островом, где большинство населения сохраняло греческий язык и православные обычаи. Рядом жили армянские, сирийские и другие общины; в городах действовали иностранные купеческие колонии. Правовой статус и хозяйственные возможности жителей были неодинаковыми. Поэтому всякое военное потрясение затрагивало не одну общую «кипрскую сторону», а множество групп, интересы которых могли расходиться.

После захвата Фамагусты особенно заметной стала зависимость островной монархии от внешних кредиторов. Военные предприятия требовали денег заранее: для найма людей, покупки вооружения, снаряжения судов и заготовки продовольствия. Доходы от будущих пошлин могли служить обеспечением обязательств, но такая практика ограничивала свободу последующих решений. Если торговля сокращалась или порт утрачивался, выплаты становились ещё тяжелее. Подобные финансовые механизмы связывали военные поражения с долговременным ослаблением власти.

Фамагуста при этом не исчезла с торговой карты Средиземноморья. Под генуэзским управлением порт продолжал жить, хотя его роль и условия торговли менялись. Для историка это важное различие: упадок королевской власти не обязательно означал немедленное прекращение хозяйственной деятельности. Оценивать последствия войны следует по разным показателям — доходам короны, обороту купеческих компаний, положению жителей и безопасности морских путей. Они не всегда изменялись в одном направлении.

Память о Петре I складывалась на фоне этих событий. В рыцарской литературе его поход в Александрию мог выглядеть последним ярким проявлением наступательной решимости. Для тех, кто жил на Кипре после генуэзского вторжения, более насущными были вопросы безопасности, долгов и сохранения торговли. Один и тот же период получал разные оценки в зависи-

мости от того, писал ли автор при западноевропейском дворе, в кипрской канцелярии или в городе, пострадавшем от военных действий.

Так завершалась история предприятия, которое начиналось как попытка возобновить большие походы на Восток. Пётр сумел собрать флот и добиться внезапного успеха у Александрии, но не создал устойчивого союза, способного удерживать завоёванное и защищать сам Кипр. Последующие события не делают его решения бессмысленными задним числом: они показывают пределы возможностей небольшого островного государства. Для понимания этих пределов важны не только подвиги рыцарей, но и устройство портов, движение денег, интересы союзников и жизнь людей, редко попадавших на страницы хроник.

Пример Кипра оказался поучительным. Средства, которые давала острову торговля, на какое-то время позволили Петру вести почти независимую войну. Но эта же торговля связывала Кипр с интересами Венеции и Генуи, а у них были свои расчёты. Небольшое христианское королевство на окраине исламского мира не могло вести войну ни против мамлюков, ни против турок без поддержки всей Европы, а Европа такой поддержки не давала. Через полвека, о чём ещё пойдёт речь, мамлюки сами нанесли удар по Кипру.

Пока Пётр собирал войско для Александрии, другой знатный государь готовился к походу в другом направлении. Амедей VI, граф Савойский, был двоюродным братом византийского императора Иоанна V. Мать императора, Анна Савойская, приходилась тёткой графу. Амедея звали Зелёным графом, потому что в молодости он выступил на турнире в зелёном одеянии, на коне в зелёной попоне, со свитой, одетой в зелёное, и этот цвет стал его знаком. Он был одним из самых блестящих рыцарей своего поколения и основал свой рыцарский орден, позже ставший высшим орденом Савойского дома.

Амедей принял крест в 1363 году, когда его кузен-император уже отчаянно искал помощи на Западе. Положение Византии было тяжёлым. Османы утвердились во Фракии, их столица переместилась в Адрианополь, а в руках империи оставались лишь Константинополь с окрестностями, несколько городов на побережье и Морея в Пелопоннесе.

Сам Иоанн V в 1366 году сделал то, чего до него не делал ни один византийский император. Он отправился за помощью не на Запад морем, а по суше, в Буду, к венгерскому королю Людовику. Византийский государь впервые явился просителем ко двору латинского короля. Людовик, ревностный католик, поставил условием помощи переход императора в римскую веру. Иоанн обещал подумать. Переговоры ни к чему не привели, и император пустился в обратный путь. Но на границе Болгарии болгарский царь, враждовавший и с Византией, и с Венгрией, не пропустил его. Император Ромеев оказался в положении пленника где-то у Дуная.

В июне 1366 года Амедей отплыл из Венеции. Его войско было небольшим, несколько тысяч человек, но хорошо снаряжённым. В августе он подошёл к Галлиполи, той самой крепости на Дарданеллах, которую османы захватили после землетрясения 1354 года, о чём рассказывалось в предыдущей главе. После недолгой осады крепость была взята. Это была первая победа христиан над османами на европейском берегу, и она имела большое значение: Галлиполи был главной переправой турок из Азии в Европу. Амедей передал крепость византийцам.

Затем граф повёл флот в Чёрное море, к болгарскому побережью. Он захватил Месемврию и Созополь и потребовал от болгарского царя пропустить императора. Тот уступил. В конце 1366 года Иоанн V встретился со своим савойским кузеном. Амедей зимовал в Месемврии, а весной 1367 года вернулся в Константинополь. Там он, судя по всему, пытался уговорить императора и патриарха на унию церквей, но греческое духовенство отвечало, что такие вопросы решает только вселенский собор. Летом Амедей отплыл домой. Его поход обошёлся очень дорого, и граф много лет расплачивался с долгами.

Захват Галлиполи в августе 1366 года имел значение, выходившее далеко за пределы небольшой прибрежной крепости. Полуостров выступал к европейскому берегу Дарданелл, и его гавани позволяли перевозить людей, лошадей и припасы между Анатолией и Фракией.

Возвращение Галлиполи под власть византийского императора затрудняло такие переправы, но не закрывало пролив полностью: османские отряды уже располагали опорными пунктами в Европе и могли пользоваться иными маршрутами. Поэтому успех Амедея VI нельзя считать ни окончательным изгнанием османов из Фракии, ни простым символическим жестом. Он изменил условия передвижения на одном из важнейших участков морского пути, однако не устранил причин османского продвижения.

Для графа Савойского эта операция была одновременно военной и династической. Амедей VI выступал как участник похода под знаком креста, но его непосредственной задачей оставалась помощь родственнику, императору Иоанну V Палеологу. В таких обстоятельствах союзная армия не могла действовать только по заранее провозглашённому религиозному плану. Ей приходилось учитывать состояние византийской казны, споры между балканскими правителями и возможности морских республик. Венецианские и генуэзские корабли были нужны для перевозки людей, но интересы двух торговых держав не совпадали. На практике переговоры о стоянках, найме судов и оплате провианта становились столь же важны, как подготовка штурма.

Движение савойского флота к болгарскому побережью показывает, насколько тесно переплетались военные цели и семейные обязательства. Иоанн V, отправившийся в Венгрию за поддержкой, оказался задержан на обратном пути. Амедей пытался добиться его освобождения давлением на прибрежные владения болгарского царя Ивана Александра. Захват нескольких черноморских пунктов позволил графу предъявить требования с позиции силы. Однако этот эпизод не следует изображать как войну двух неизменных религиозных лагерей: и император, и болгарский государь принадлежали к христианскому миру. Причиной столкновения были прежде всего вопросы власти, безопасности пути и контроля над крепостями.

Поход оставил заметный след в хозяйственных документах. Счета фиксировали закупки, жалованье, транспортные расходы и обслуживание кораблей. Для историка такие записи ценны тем, что показывают экспедицию не как непрерывную череду подвигов, а как предприятие с ограниченным бюджетом. На борту нужно было разместить воинов, их снаряжение и запасы; после высадки требовалось поддерживать связь с судами и обеспечивать охрану занятого пункта. Если денег не хватало, даже успешный отряд терял способность продолжать операции. Поэтому масштаб похода определялся не только числом рыцарей, но и тем, сколько времени они могли оставаться в море и на берегу.

С точки зрения жителей побережья появление иностранного флота означало неопределённость. Власть над городом могла смениться быстро, тогда как хозяйственные связи восстанавливались медленно. Купцы ожидали гарантий безопасности, рыбаки — доступа к причалам, сельские общины — возможности вывозить продукты на рынок. Новому гарнизону приходилось искать снабжение в местности, уже испытывавшей давление нескольких соперничающих правителей. Источники значительно подробнее описывают решения военачальников, чем положение этих людей; поэтому выводы о повседневной жизни следует делать осторожно, сопоставляя хроники с документами о налогах и торговле.

Когда экспедиция завершилась, стало ясно различие между кратковременной военной победой и устойчивым политическим результатом. Савойцы могли передать крепости союзнику, но не могли обеспечить ему достаточные средства для их многолетней обороны. Византия по-прежнему зависела от соперничества соседей и от помощи морских держав. Именно эта зависимость объясняет, почему последующая история Галлиполи определялась уже не действиями Амедея, а борьбой за власть внутри императорской семьи и османским вмешательством. Эпизод 1366 года важен не только как редкий успех западной экспедиции: он наглядно показывает пределы похода, не подкреплённого длительным союзом и надёжным финансированием.

Галлиполи недолго оставался византийским. Через десять лет, в 1376 году, сын Иоанна, Андроник IV, восставший против отца, получил от османов помощь и в благодарность вернул им крепость. После этого переправа через Дарданеллы снова принадлежала туркам, и больше её никто у них не отнимал.

О походе Зелёного графа подробно рассказывают савойские счета, сохранившиеся в архиве Турина. По ним видно, сколько стоили галеры, нанятые в Венеции и Генуе, сколько получали рыцари и арбалетчики, сколько было потрачено на подарки византийскому двору и на выкуп пленных. Счета показывают и то, что граф брал в долг у всех, у кого мог, включая самого императора, которому он пришёл помогать. Крестовый поход второй половины XIV века был прежде всего предприятием, где всё имело цену.

В 1369 году, в том самом году, когда погиб Пётр Кипрский, Иоанн V совершил ещё одно небывалое путешествие. Он приехал в Рим, куда папа Урбан V на время вернулся из Авиньона. Восемнадцатого октября на ступенях базилики святого Петра император лично признал главенство папы и принял католическое исповедание веры. Это был его личный шаг, а не уния церквей: ни патриарх, ни духовенство, ни народ Константинополя за ним не последовали. Греческие историки позже писали об этом почти мимоходом, а в самой Византии поступок императора не изменил ничего.

На обратном пути Иоанна задержали в Венеции. Империя была должна венецианцам много денег, и купцы не выпускали императора, пока не получат долг. Ещё за двадцать пять лет до того мать Иоанна, императрица Анна, заложила Венеции драгоценности короны, и выкупить их так и не смогли. Говорят, что их показывали в сокровищнице собора святого Марка. Помочь отцу удалось младшему сыну, Мануилу, который привёз деньги из Фессалоники. Старший сын, Андроник, правивший в Константинополе в отсутствие отца, ничего не сделал. С этого началась вражда между отцом и старшим сыном, стоившая империи многих бед.

Из-за долгов возникла и большая война. В 1376 году Иоанн V пообещал венецианцам остров Тенедос у входа в Дарданеллы, ключ к проливам. Генуэзцы, соперники Венеции, увидели в этом угрозу своей черноморской торговле и поддержали мятежного сына императора, Андроника. Так спор о маленьком острове перерос в Кьоджскую войну между двумя республиками. В 1379 году генуэзский флот захватил Кьоджу, городок в самой Венецианской лагуне, и Венеция оказалась на краю гибели. Венецианцы перекрыли выходы из лагуны затопленными кораблями, заперли генуэзцев в Кьодже и заставили их сдаться. В этой войне, по свидетельствам хронистов, обе стороны уже стреляли из пушек, установленных на кораблях. Мир заключили в 1381 году. Тенедос не достался никому: его жителей выселили, а укрепления срыли. Пока две христианские морские державы воевали между собой, османы спокойно укреплялись во Фракии.

Спор о Тенедосе был особенно острым потому, что остров лежал у входа в Дарданеллы. Сам по себе он не мог запереть пролив для всех кораблей, но служил удобным местом наблюдения и стоянки. Венецианцы видели в нём средство защиты торгового пути к Константинополю и далее к черноморским портам. Генуэзцы, чья колония Галата находилась напротив византийской столицы, опасались, что появление соперника на острове изменит привычное равновесие сил.

Для императорского двора вопрос был не менее трудным. Византия нуждалась в деньгах и кораблях обеих морских республик, но уже не могла свободно распоряжаться даже собственными островами. Обещание уступить Тенедос одной стороне почти неизбежно вызывало сопротивление другой. При этом внутренний конфликт между Иоанном V и его сыном Андроником IV позволял иностранным союзникам поддерживать разных претендентов, добиваясь выгодных условий.

В 1376 году Андроник IV при содействии генуэзцев сверг отца и занял престол. За поддержкой стояли не только семейные расчёты, но и интересы торговых общин, для которых

смена императора означала возможность пересмотреть привилегии. Венеция не признала сложившееся положение окончательным. Противостояние вокруг Тенедоса вскоре стало частью более широкого конфликта между двумя морскими республиками.

Когда в 1378 году началась война, известная как Кьоджийская, её причины не сводились к одному острову. Соперничество Венеции и Генуи охватывало Восточное Средиземноморье, торговые пути к Чёрному морю и собственно итальянские воды. Однако тенедосский вопрос показал, как местный спор на окраине ослабевшей империи мог вовлечь в борьбу флоты, действовавшие за сотни миль от Константинополя.

Морская война отличалась от сухопутного похода ритмом и расходами. Галеры требовали опытных гребцов, постоянного подвоза воды и продовольствия, ремонта корпусов и парусов. Захват острова приносил пользу лишь тогда, когда его гавань можно было снабжать и защищать. Поэтому даже небольшая крепость превращалась в предмет длительных переговоров, а её содержание ложилось тяжёлым бременем на казну.

В самой Византии борьба за престол продолжалась. Иоанн V сумел вернуться к власти в 1379 году, опираясь на помощь османского султана и венецианцев. Такой союз выглядел противоречиво только на первый взгляд: для императора первоочередной задачей было возвращение столицы, а для его помощников — укрепление собственного влияния. Участники конфликта выбирали партнёров исходя из ближайших политических потребностей, а не из единой религиозной программы.

Мир в Турине 1381 года завершил войну Венеции и Генуи, но не восстановил прежнего положения в проливах. В числе условий обсуждалась судьба Тенедоса; в итоге остров должен был быть лишён укреплений и постоянного населения. Такое решение свидетельствовало о недоверии соперников: ни одна республика не хотела допустить превращения гавани в военную базу другой.

Для жителей острова дипломатическая формула означала переселение и утрату привычного уклада. В договорах речь шла о крепостях, правах и торговле, тогда как судьбы отдельных семей оставались на втором плане. Подобные последствия редко занимают центральное место в повествованиях о крестовых походах, но без них невозможно понять цену борьбы за средиземноморские порты.

Тенедосский кризис помогает объяснить и ограниченность западной помощи Константинополю. Даже государства, заинтересованные в сохранении христианской империи как торгового партнёра, могли вести друг с другом войну из-за доступа к её владениям. Османское продвижение происходило на фоне этой конкуренции, а византийские правители всё чаще были вынуждены обменивать политические уступки на кратковременную поддержку.

Через несколько лет Иоанн V признал себя вассалом султана. Он обязался платить дань и посылать войско на службу османам. Так византийский император стал подданным того самого государства, против которого он искал помощи на Западе. Его сын Мануил одно время служил в османском войске при султане и участвовал в походах против последних византийских городов в Малой Азии.

Пока на Кипре и в Константинополе решалась судьба крестовых замыслов, османы продвигались вглубь Балкан. После смерти сербского царя Стефана Душана в 1355 году его держава распалась на части, и правители этих частей враждовали между собой. Самым сильным из них стал король Вукашин, правивший в Македонии вместе с братом, деспотом Углешей. Братья понимали, что турецкая угроза растёт, и решили ударить первыми.

В сентябре 1371 года сербское войско подошло к реке Марице, недалеко от Адрианополя. Ночью османский отряд, значительно меньший по численности, неожиданно напал на сербский лагерь. Сербы не успели построиться. Вукашин и Углеша погибли, их войско было уничтожено. Сербский монах Исайя, живший на Афоне, оставил запись об этом времени, в которой говорится, что после битвы турки разлились по земле, словно птицы в воздухе, и что

живые завидовали умершим. Эти слова, написанные на полях рукописи, переводившейся с греческого, стали самым известным свидетельством о том, как воспринимали поражение на Марице.

После Марицы правители Македонии и Болгарии один за другим становились вассалами султана. Сын Вукашина, знаменитый в сербских песнях королевич Марко, служил османам и, по преданию, погиб в их войске в 1395 году. Он был вассалом султана, но в эпосе остался героем, защитником бедных и врагом турок. Такие противоречия между историей и памятью мы встретим на Балканах ещё не раз.

На севере Сербии усиливался князь Лазарь Хребелянович. Он был последним сербским правителем, который сумел объединить вокруг себя значительную часть страны. В 1389 году султан Мурад I двинулся против него. Пятнадцатого июня, в день святого Вита, на Косовом поле, к северу от города Приштины, сошлись два войска. С сербами были боснийские отряды и войско зятя Лазаря, Вука Бранковича.

Сведения о ходе битвы на Косовом поле 1389 года противоречивы, а позднейшие предания нередко затрудняют отделение установленных событий от легенд. Достоверно известно о гибели двух правителей. Султан Мурад был убит, по сербскому преданию, рыцарем Милошем Обиличем, который пробрался в шатёр султана под видом перебежчика и заколол его. Османские хронисты рассказывают об этом несколько иначе, но тоже говорят о гибели султана от руки сербского воина. Лазарь попал в плен и был казнён. Сын Мурада Баязид, приняв власть прямо на поле боя, тут же приказал убить своего брата Якуба, чтобы избежать соперничества. Так в османском доме появился обычай братоубийства при восшествии на престол, позже закреплённый законом.

Самые ранние сербские рассказы о Косове созданы при дворе вдовы Лазаря, княгини Милицы, и её сына. Это жития и похвальные слова, где князь предстаёт мучеником, сознательно пошедшим на смерть. Монахиня Евфимия, вдова одного из сербских деспотов, жившая при Милице, вышила золотыми нитями на шёлковом покрове для гроба Лазаря свою «Похвалу князю Лазарю». Этот покров хранится до сих пор и считается одним из лучших памятников сербской литературы того времени. Позже народные песни добавили к истории новых героев: Косовскую девушку, ищущую на поле битвы своего жениха, и Вука Бранковича, изменника, будто бы покинувшего поле боя. Историки сомневаются в этой измене: войско Бранковича, по-видимому, сражалось, а сам он ещё несколько лет воевал с турками.

Исход битвы современники понимали по-разному. По некоторым сведениям, во Флоренции и в Париже сначала решили, что победили христиане, и в соборе Парижской Богоматери будто бы служили благодарственный молебен. На деле Сербия вскоре признала власть султана. Вдова Лазаря, княгиня Милица, отдала свою дочь Оливеру в жёны Баязиду, а её сын Стефан Лазаревич стал вассалом и союзником султана и сражался в его войске. Сербская церковь позже канонизировала Лазаря, и Косово стало для сербов уже не поражением, а образом жертвы ради небесного царства. По преданию, накануне битвы Лазарю предложили выбор между земным и небесным царством, и он выбрал небесное. Эта легенда сыграла огромную роль в истории сербского народа вплоть до наших дней.

Баязид I, вступивший на престол на Косовом поле, получил прозвище Йылдырым, что значит «Молния». Он действительно действовал стремительно. За несколько лет он подчинил большую часть анатолийских бейликов, в 1393 году взял болгарскую столицу Тырново, а в 1394 году начал блокаду Константинополя, длившуюся несколько лет. В отличие от отца, Баязид всё чаще называл себя уже не эмиром, а султаном, наследником великих мусульманских государей, и даже, как говорят, добивался от каирского халифа признания своего титула.

Император Мануил II, ставший преемником Иоанна V в 1391 году, вынужден был сначала служить новому султану. Сохранились письма Мануила, написанные в походах османского войска по Малой Азии. Он описывает разорённые греческие города, опустевшие поля,

руины, имена которых местные жители уже не помнят, и с горечью замечает, что воюет на стороне тех, кто разрушает его мир. Эти письма, изысканные по стилю, принадлежат к лучшим образцам поздневизантийской литературы.

Именно в эти годы в Константинополе побывал русский путешественник, оставивший один из самых ярких рассказов о городе. Дьякон Игнатий Смольнянин сопровождал митрополита Пимена, ехавшего в 1389 году к патриарху. Он подробно описал путь по Дону, Чёрному морю, Константинополь и его святыни. А в феврале 1392 года Игнатий присутствовал на венчании на царство Мануила II в Святой Софии и описал его с восторгом. Он рассказывает, как певцы в дорогих одеждах пели на разные голоса, как император и императрица стояли на возвышении в золоте и жемчуге, как после венчания народ бросался к брошенным в толпу кускам драгоценной ткани. Игнатий заметил и русских, живших в Константинополе, и рассказывает, что в городе было немало русских монахов и паломников. Для него Царьград оставался столицей православного мира, несмотря на всю его бедность.

Путешествие Игнатия Смольнянина позволяет увидеть Константинополь не только как столицу, которой угрожала новая держава, но и как город, продолжавший принимать людей издалека. Паломники прибывали к святыням, купцы искали товары и посредников, духовные лица участвовали в церковных переговорах. Каждый из этих приезжих замечал своё: путешественник описывал храмы и обряды, торговец — гавани и пошлины, дипломат — приём у императорского двора. Сопоставление таких рассказов помогает восстановить городскую жизнь, не сводя её к истории осад.

Маршрут через Чёрное море зависел от сезона, погоды и безопасности прибрежных стоянок. Корабль не мог следовать расписанию в современном смысле: шторм заставлял укрываться в гавани, а отсутствие попутного ветра задерживало переход. Для человека, отправлявшегося в дальнюю поездку, сама возможность добраться до Константинополя требовала средств, времени и знакомства с опытными мореходами. Поэтому сохранившиеся путевые заметки представляют опыт сравнительно узкого круга путешественников; повседневные поездки менее состоятельных людей отражены в источниках слабее.

На рубеже XIV и XV столетий морские пути связывали Константинополь с генуэзскими и венецианскими торговыми пунктами. Соперничество двух республик не прекращало обмена: зерно, ткани, воск, рыба и другие товары продолжали перемещаться между портами, хотя условия торговли менялись вслед за политическими соглашениями. Императорская власть стремилась получать доходы с торговли, но её возможности были ограничены привилегиями, которые иностранные купеческие общины добились ранее. В этом заключалось одно из противоречий поздней Византии: оживлённое движение судов не означало столь же прочного финансового положения государства.

Паломнические описания требуют внимательного чтения ещё и потому, что их авторы нередко перечисляли реликвии по услышанным объяснениям. Для верующего путешественника важным было присутствие у почитаемой святыни; для историка — то, когда и кем зафиксировано её местонахождение. Эти задачи различаются, и одно свидетельство не обязательно отвечает на оба вопроса. Бережное отношение к религиозному опыту людей прошлого вполне совместимо с проверкой дат, маршрутов и происхождения конкретных сообщений.

Городские храмы оставались местом богослужения, обучения и общественной памяти. В то же время церковные учреждения, как и прочие владельцы имущества, испытывали последствия сокращения земельных доходов и политической нестабильности. О состоянии каждого монастыря нельзя судить по судьбе соседнего: одни сохраняли связи с влиятельными покровителями, другие сталкивались с нехваткой средств. Поэтому рассказы о великолепии отдельных святынь не следует автоматически переносить на хозяйственное положение всего города.

Немаловажной частью городской жизни были переводчики. В гавани, при дворе и во время переговоров встречались люди, говорившие по-гречески, по-итальянски, на тюркских

и славянских языках. Письменный договор мог быть составлен на одном языке, а его условия обсуждались на другом. Ошибка в передаче титула, суммы или обязательства иногда приобретала политическое значение. Однако сохранившиеся документы чаще называют правителей и послов, чем тех, кто обеспечивал понимание между ними.

Взаимосвязь войны и повседневности особенно заметна в вопросе продовольствия. Столица нуждалась в подвозе продуктов морем и в обмене с ближайшими районами. Изменение контроля над проливами влияло не только на движение военных кораблей, но и на цену перевозки, доступность рынков и уверенность купцов в завтрашнем дне. При этом нельзя представлять всякое военное столкновение как полное прекращение торговли: даже между противниками существовали посредники, временные договорённости и хозяйственная необходимость поддерживать обмен.

Повествование о поздней Византии часто строят вокруг императоров, которым приходилось выбирать между уступками, союзами и сопротивлением. Но их решения принимались в городе, где продолжали работать мастерские, заключались сделки, воспитывались дети и совершались религиозные обряды. Путевые записи, торговые акты и дипломатические письма освещают разные стороны одной действительности. Вместе они помогают понять, почему история последних крестовых предприятий неотделима от истории обществ, через которые проходили войска и флоты.

В те же годы, когда Баязид завоёвывал Балканы, французское рыцарство нашло себе другого противника. В 1390 году генуэзцы предложили французскому двору совместный поход против города Махдии на побережье нынешнего Туниса. Тот самый город, который, как отмечалось в первом томе, пизанцы и генуэзцы уже грабили в 1087 году, теперь, по словам генуэзцев, стал источником морских набегов, нападавших на христианские корабли. Генуя дала флот, а Франция дала рыцарей.

Главой похода стал Людовик II, герцог Бурбонский, дядя молодого короля Карла VI. В Столетней войне как раз наступило перемирие, и рыцарям нечем было заняться. К герцогу присоединились многие знатные французы, а также английский отряд, которым командовал Джон Бофорт, сын Джона Гонта. Англичане и французы, только что воевавшие друг с другом, плыли на одних кораблях. Всего собралось, по разным оценкам, от полутора до пяти тысяч воинов.

В конце июля 1390 года флот подошёл к Махдии. Город стоял на узком мысу, окружённый морем с трёх сторон, и его стены были неприступны. Крестоносцы осадили его с суши и простояли под стенами около двух месяцев. Тунисский султан из династии Хафсидов привёл войско на помощь осаждённым. Начались стычки, жара, болезни. В конце концов осаждённые и осаждающие договорились. Хафсиды обязались не трогать генуэзских купцов, выплатить деньги и вернуть пленников, а крестоносцы сняли осаду. В сентябре флот ушёл домой.

Кроме Фруассара, об этом походе рассказывает хроника, написанная по заказу самого герцога Бурбонского. Её автор, Жан Кабаре д’Орвиль, писал уже в XV веке со слов оруженосца герцога. Он описывает лагерь под Махдией, страшную жару, нехватку воды, болезни, ссоры между французами и генуэзцами. Генуэзцы, по его словам, больше думали о своих торговых выгодах, чем о войне за веру, и именно они настояли на перемирии. Французы же уходили неохотно, считая, что позорно снимать осаду, не взяв города. Эти споры между рыцарями, мечтавшими о славе, и купцами, считавшими деньги, будут повторяться во всех походах конца века.

Самый живой рассказ об этом походе оставил фламандский хронист Жан Фруассар, писавший о рыцарских деяниях своего времени по рассказам участников. У него есть сцена, которая звучит почти как притча. Сарацины, пишет Фруассар, прислали к французскому лагерю посланца с вопросом: зачем вы пришли воевать с нами, ведь мы вам ничего дурного не сделали? Французы ответили, что пришли потому, что предки сарацин распяли Сына Божьего

и потому что сарацины не верят в Него. Посланец, по словам Фруассара, ответил, что Христа распяли не они, а евреи, и что они не понимают, при чём тут их народ. Фруассар приводит этот разговор без комментария, и трудно сказать, услышал ли он его от очевидцев или придумал сам. Но вопрос, заданный в нём, был тем самым вопросом, который всё чаще задавали себе и в Европе.

Английский поэт Джеффри Чосер, писавший «Кентерберийские рассказы» в те же годы, когда шёл поход на Махдию, перечисляет походы своего идеального рыцаря. Как говорилось в томе IV, этот рыцарь бывал в Испании и в Пруссии. Но список Чосера начинается с другого: рыцарь был в Александрии, «когда её взяли». Затем названы Аяс и Анталия, те самые города, которые брал Пётр Кипрский, Тлемсен в Северной Африке и Балат, город одного из турецких эмиров на западе Малой Азии. Чосер, очевидно, рассчитывал, что его читатели сразу узнают эти названия. Для них это были не далёкие экзотические места, а походы, о которых рассказывали отцы и старшие братья.

Историки давно спорят, как понимать этого рыцаря. Одни видят в нём идеал, другие подозревают тонкую насмешку над наёмником, воевавшим где придётся. Сам Чосер оставил портрет без явной оценки, как он делал часто. Но список его рыцаря замечателен другим. Он показывает, как выглядел крестовый поход в конце XIV века. Не было больше великих походов целых народов к одной цели. Была череда коротких экспедиций в разные концы света, куда рыцарь отправлялся за славой, отпущением грехов и иногда за добычей.

Филипп де Мезьер дожил до 1405 года. Последние годы он провёл в Париже, в монастыре целестинцев, где писал книгу за книгой. Его главной заботой оставался новый рыцарский орден, который он задумал ещё в юности и назвал Орденом Страстей Господних. Это должно было быть братство рыцарей, давших обет бедности, послушания и супружеской верности: Мезьер, в отличие от старых монашеских орденов, разрешал своим рыцарям жениться. Орден должен был объединить воинов всех христианских стран, прекратить войны между ними и повести их на Восток.

Самая известная книга Мезьера, «Сон старого паломника», написанная в 1389 году, построена как аллегория. Старый паломник, Пылкое Желание, вместе с сестрой, Доброй Надеждой, путешествует по всему миру в поисках царицы Истины, изгнанной с земли. Они проходят через Египет, Сирию, Татарию, Пруссию, Испанию, Италию и Францию и повсюду находят пороки: жадность, гордыню, раздоры. Наконец Истина приходит в Париж и даёт наставления молодому королю, которого автор называет Белым Соколом, о том, как править. Книга огромна, в ней тысячи страниц, но она полна живых наблюдений. Мезьер видел своими глазами почти все страны, о которых писал, и его старческая горечь перемешана в ней с воспоминаниями о молодости, о Кипре и Александрии.

Мезьер переписывался с королями и герцогами, рассылал им устав, уговаривал вступить. Среди тех, кто согласился, были знатные французы и англичане. В 1395 году он обратился с длинным посланием к английскому королю Ричарду II, убеждая его заключить мир с Францией, жениться на французской принцессе и вместе с французским королём идти в крестовый поход. Ричард действительно женился на дочери Карла VI. Но поход, о котором мечтал Мезьер, так и не состоялся в задуманном виде.

Вместо него через год случилось другое. Французские, бургундские, немецкие и венгерские рыцари двинулись на Дунай, против Баязида. Этот поход оказался самым большим крестовым походом конца Средневековья, и о нём пойдёт речь в следующей главе.

Кипрское королевство занимало особое положение среди государств Восточного Средиземноморья. Остров лежал на пересечении морских путей, связывавших сирийское побережье, Египет, Малую Азию и итальянские торговые города. Для правителей Лузиньянов это положение открывало возможности, но одновременно создавало зависимость от торговли и морских

перевозок. Любое крупное военное предприятие требовало не только людей и кораблей, но и устойчивого снабжения, которое невозможно было обеспечить одними ресурсами острова.

Пётр I стремился придать кипрской политике более широкий размах. Однако его планы приходилось согласовывать с интересами тех, кто мог предоставить корабли, деньги или военную помощь. Венецианские и генуэзские купцы прежде всего думали о безопасности торговых путей и сохранении договоров. Рыцарские круги Западной Европы воспринимали восточные походы иначе: для них важное значение имели военная служба, престиж и религиозные представления своего времени. Эти мотивы могли совпадать в одном предприятии, но редко оставались согласованными надолго.

Организация морской экспедиции была сложнее, чем сбор сухопутного войска. Кораблям требовались пригодные гавани, опытные кормчие, запасы воды и продовольствия, ремонтные материалы. Не все суда могли одновременно перевозить людей, лошадей, осадные орудия и припасы. Часть флота предназначалась для боя, часть — для транспортировки. Поэтому численность войска сама по себе ещё не показывала, насколько долго оно сможет действовать вдали от Кипра.

Для средневековых правителей морская война представляла собой череду коротких периодов активности и длительной подготовки. Сезонные ветры, состояние судов и сведения о противнике влияли на сроки выхода из гавани. В портах нужно было договариваться о закупках и размещении людей. Задержка одного транспорта могла повлиять на всю операцию. В хрониках эти трудности обычно занимают меньше места, чем описание штурмов, хотя именно они нередко определяли пределы военных возможностей.

Поход на Александрию следует рассматривать и в связи с положением самого города. Александрия была важным торговым центром Мамлюкского султаната. Через неё проходили товары, поступавшие из разных областей Востока и Средиземноморья. Удар по такому порту имел значение не только как военная акция: он затрагивал купеческие связи, доходы городских жителей и интересы государств, торговавших с Египтом. Поэтому реакция на нападение не могла быть единой даже среди европейских участников средиземноморской торговли.

Судьба горожан напоминает, что средневековые военные действия затрагивали не только вооружённых участников столкновений. Грабёж, захват пленников и разрушение хозяйства были частью практики многих армий эпохи. Их последствия испытывали люди разного происхождения и вероисповедания. Описание этих событий требует точности: нельзя превращать свидетельства о насилии в повод для осуждения какой-либо религии или приписывать всем участникам конфликта одинаковые намерения.

После удачного нападения перед руководителями экспедиции вставал вопрос, который труднее решить, чем задачу высадки: удерживать ли занятый город. Для длительной обороны требовались гарнизон, продовольствие, средства на восстановление укреплений и постоянная связь с морем. Противник, действовавший на собственной территории, имел больше возможностей собирать силы и перекрывать сухопутные дороги. Отсутствие согласия между союзниками ещё сильнее сокращало время, в течение которого можно было закрепить успех.

Разница между набегом и завоеванием имела принципиальное значение. Набег мог нарушить торговлю, принести добычу и продемонстрировать силу флота. Завоевание же требовало управления территорией, сбора налогов, организации суда и защиты жителей. Военные планы Петра Кипрского нередко описывают языком больших замыслов, но практические возможности королевства оставались ограниченными. Успех одной экспедиции не означал появления ресурсов для продолжительной войны на материке.

Оценки кипрских походов зависят и от характера источников. Придворный хронист мог подчёркивать личную отвагу правителя и верность его сторонников. Купеческие документы чаще отражали потери, перевозки и переговоры. Повествования, созданные в странах, подвергшихся нападению, уделяли больше внимания разрушениям и судьбе жителей. Сопостав-

ление таких свидетельств позволяет увидеть разные стороны событий, не принимая точку зрения одной группы за исчерпывающую картину.

К концу XIV века стало очевидно, что средиземноморские походы невозможно рассматривать отдельно от европейской дипломатии. Монархи распределяли силы между несколькими направлениями, города соперничали за торговые преимущества, а союзы менялись в зависимости от обстоятельств. Даже когда участники говорили о единой цели, их политические расчёты оставались различными. Это противоречие вновь проявится в более поздних кампаниях против османов.

История кипрских экспедиций важна не только итогами отдельных сражений. Она показывает, как менялось само представление о возможностях крестового похода после утраты крестоносных владений на сиро-палестинском побережье. Вместо продвижения большой сухопутной армии всё чаще обсуждались морские удары, контроль портов и создание временных коалиций. Подобная стратегия могла приносить краткосрочные результаты, но зависела от устойчивости союзов и готовности участников оплачивать длительную кампанию.

Войны на востоке Средиземного моря нельзя понять без устройства портов. В отличие от сухопутной крепости, приморский город зависел сразу от двух линий сообщения: дороги, по которой приходили обозы из внутренних областей, и гавани, через которую доставляли зерно, дерево, металл и людей. Даже сильные стены не гарантировали безопасности, если противник перекрывал вход в порт или захватывал соседние якорные стоянки. Поэтому подготовка экспедиции начиналась задолго до появления парусов у неприятельского берега. Посланники выясняли, где можно пополнить запасы, какие гавани доступны союзникам и сколько времени потребуется кораблям для перехода. Отдельное значение имели отношения с местными торговцами: без их сведений и посредничества командование рисковало неверно оценить запасы продовольствия и возможности обороны.

Средиземноморская галера была приспособлена прежде всего к сравнительно коротким переходам и действиям у берега. Её движение зависело от сочетания паруса и вёсел, а многочисленная команда ежедневно расходовала значительные запасы воды. На продолжительность похода влияли не только погода и расстояние, но и возможность высадить людей для отдыха, ремонта и заготовки пищи. Более вместительные парусные суда помогали перевозить грузы, однако требовали иной организации охраны. Командиры вынуждены были распределять между кораблями людей, оружие и продовольствие, заранее решая, что делать при рассеивании флота штормом. В хрониках чаще описывали момент штурма, чем эти приготовления. Между тем именно снабжение нередко определяло, сколько дней войско могло оставаться у чужого берега.

Состав участников похода тоже был неоднороден. Рядом с рыцарями и их оруженосцами находились арбалетчики, моряки, ремесленники, переводчики, священнослужители и люди, отвечавшие за закупки. Их обязанности различались, как и условия службы. Одни участвовали по обязательству перед сюзереном, другие получали жалованье, третьи рассчитывали на торговые выгоды. Поэтому решение о продолжении осады не всегда встречало единодушную поддержку. Военачальник мог стремиться закрепить победу, тогда как владельцы кораблей опасались потерять суда и пропустить торговый сезон. Подобные разногласия не сводились к недостатку решимости: они отражали реальные ограничения средневековых союзов, где общая цель не отменяла отдельных интересов.

О судьбе жителей осаждённых городов источники рассказывают неравномерно. Военные повествования сосредоточены на действиях правителей и командиров, тогда как торговые записи, письма и позднейшие жалобы позволяют заметить другие последствия: прекращение подвоза зерна, рост цен, бегство семей, утрату мастерских и долговые обязательства, которые продолжали действовать после окончания войны. При этом конфессиональная принадлежность не определяла положение каждого человека одинаковым образом. На него вли-

яли достаток, место жительства, личные связи, условия капитуляции и решения победителей. Для исторического описания важно различать призывы, звучавшие в проповедях и официальных посланиях, и повседневную практику соседства, торговли и переговоров между людьми разных вероисповеданий.

Особую трудность представляет сопоставление свидетельств о численности войск и потерях. Хронисты нередко приводили округлённые цифры, подчёркивая масштаб опасности или заслуги своего покровителя. Финансовые документы могут дать более точные сведения об оплате отдельных отрядов, но не обязательно учитывают всех участников. Археологические данные помогают восстановить устройство укреплений и следы разрушений, однако редко позволяют назвать точное число погибших. Поэтому осторожная реконструкция строится на сопоставлении разных видов источников. Там, где сведения расходятся, полезнее обозначить пределы достоверности, чем превращать одну эффектную цифру в бесспорный факт. Такой подход особенно важен для походов, получивших позднее широкое отражение в национальных и религиозных исторических традициях.

После возвращения флота последствия похода продолжали ощущаться далеко за пределами поля боя. Правителям приходилось расплачиваться с кредиторами, возмещать утраты союзникам, договариваться об освобождении пленников и восстанавливать нарушенные торговые связи. Для купеческих республик значение имели доступ к портам и безопасность морских путей; для островных владений — сохранение судов и способность пережить следующий сезон. Политический результат потому не всегда совпадал с военным. Захват города мог принести известность, но не дать устойчивого контроля над побережьем. Напротив, переговоры о торговых привилегиях или обмене пленными иногда оказывались долговечнее громкой победы. Эта разница помогает понять, почему крестовые предприятия позднего Средневековья становились всё теснее связаны с дипломатией и хозяйственными возможностями государств.

Глава 3. Никополь (1396) и Тимур

В 1427 году в баварский город Фрайзинг вернулся немолодой человек, которого на родине давно считали погибшим. Его звали Иоганн Шильтбергер. Тридцать с лишним лет назад, шестнадцатилетним оруженосцем, он отправился с хозяином на войну против турок, попал в плен, едва избежал казни и провёл остаток молодости в рабстве на Востоке. Он служил султану Баязиду, затем, когда Баязида разбил Тимур, перешёл в руки победителя, побывал в Персии, Армении, в степях Золотой Орды и, как сам уверяет, в Сибири. Наконец ему удалось бежать через Чёрное море в Константинополь, а оттуда домой. Вернувшись, Шильтбергер продиктовал книгу о своих странствиях. Это одна из самых необычных книг позднего Средневековья, и начинается она с битвы, в которой погибла лучшая часть западного рыцарства.

Эта битва произошла 25 сентября 1396 года под стенами болгарского города Никополя на Дунае. Её называют последним большим крестовым походом Средневековья. Ни до, ни после европейские рыцари не собирались против османов в таком числе и с таким размахом. И ни один поход не закончился так страшно.

Причиной похода было наступление Баязида. Как рассказывалось в предыдущей главе, новый султан за несколько лет подчинил себе Болгарию и вплотную подошёл к границам Венгрии. Венгерский король Сигизмунд Люксембургский, сын императора Карла IV, понимал, что следующий удар придётся по его землям. В 1395 году турецкие отряды уже переходили Дунай и грабили венгерские пограничные области. Сигизмунд разослал послов в Париж, Лондон, Венецию и к обоим папам, ведь в то время в Римской церкви их было двое, один в Риме, другой в Авиньоне.

Франция отозвалась. Время было удачное: в Столетней войне только что заключили долгое перемирие, а при французском дворе вошли в моду рыцарские мечты о Востоке. Филипп де Мезьер, о котором шла речь в предыдущей главе, много лет внушал знати, что примирение Англии и Франции должно открыть дорогу общему походу. Самым влиятельным сторонником похода стал Филипп Смелый, герцог Бургундский, дядя короля Карла VI. Он взял на себя значительную часть расходов и поставил во главе войска своего старшего сына Иоанна, графа Неверского. Иоанну было двадцать четыре года, и он ещё не участвовал ни в одном сражении.

Рядом с молодым графом поставили опытных воинов. Здесь был коннетабль Франции Филипп д'Артуа, граф д'Э, адмирал Жан де Вьенн, ветеран многих войн, маршал Бусико, о котором уже рассказывалось в томе IV в связи с его поездками в Пруссию, и Ангерран де Куси, один из самых богатых и опытных сеньоров Франции, зять английского короля Эдуарда III. Куси побывал в Пруссии, сражался в Италии, участвовал в походе на Махдию. Американская писательница Барбара Такман в книге «Далёкое зеркало» сделала его героем рассказа о XIV веке, и с тех пор его имя хорошо знают многие читатели.

Жан де Вьенн был, пожалуй, самым опытным моряком Франции своего времени. Он командовал французским флотом в набегах на английское побережье, пытался организовать высадку в Шотландии и участвовал в походе на Махдию. Ему было за пятьдесят, и он видел многое. Хронисты рассказывают, что перед боем под Никополем он советовал осторожность, но, когда решение было принято, первым пошёл в атаку. Знамя Богоматери, которое ему поручили, было символом всего французского войска, и он не выпустил его из рук до самой смерти.

С французами шли бургундцы, фламандцы, немецкие рыцари, отряды из Англии, хотя английское участие было, по-видимому, невелико. По Дунаю плыли корабли госпитальеров с Родоса под началом великого магистра Филибера де Найяка, к ним присоединились венецианские и генуэзские галеры. Валашский воевода Мирча Старый привёл своё войско. Венгерская армия Сигизмунда была самой многочисленной частью союзных сил. Общую численность крестоносцев современники оценивали в сто тысяч и больше, но историки считают, что под

Никополем было, скорее всего, от пятнадцати до двадцати тысяч человек. Для своего времени и это было огромное войско.

Валашский воевода Мирча, которого потомки назвали Старым, был, пожалуй, самым опытным противником турок среди союзников. Он правил с 1386 года и уже воевал с Баязидом. В 1395 году на реке, которую румынские историки называют Ровине, валахи встретили турецкое войско, шедшее разорять их землю. Битва была кровопролитной, и обе стороны позже считали её своей победой. Именно в этой битве, по преданию, погиб королевич Марко, служивший султану, о котором рассказывалось в предыдущей главе. Мирча понимал, что одной Валахии не устоять, и заключил союз с Сигизмундом. Позже он признал себя данником султана, сохранив при этом свою власть и веру. Его похоронили в монастыре Козия на реке Олт, который он сам построил, и румыны чтят его как одного из величайших своих государей.

Французский отряд выступил из Дижона в конце апреля 1396 года. Он шёл через Германию, Австрию и Венгрию, пышно, с роскошными палатками, шёлковыми знамёнами, серебряной посудой. Хронисты потом обвиняли рыцарей в том, что они больше думали о пирах и развлечениях, чем о войне. Монах из Сен-Дени, автор подробной латинской хроники царствования Карла VI, пишет, что в лагере крестоносцев играли в кости, пили и держали женщин дурного поведения. Он, конечно, писал уже после поражения и искал ему объяснение. Но и другие источники говорят, что французы относились к предстоящему походу как к большому турниру.

Расходы на поход были громадными. Филипп Бургундский обложил свои земли особым налогом, взял деньги у городов Фландрии и у духовенства. Сохранились счета, по которым видно, как снаряжали Иоанна Неверского. Для него сшили шатры из зелёного атласа, изготовили знамёна с образом Богоматери, купили лошадей, доспехи, серебряную посуду, наняли музыкантов и герольдов. Каждый знатный рыцарь вёз с собой свиту из оруженосцев, слуг и пажей. Поход знати превращался в переезд целого двора. Венгерские союзники, привыкшие к быстрой степной войне, смотрели на эти обозы с недоумением.

В июле войска собрались в Буде. Здесь произошёл первый спор, предвещавший будущую беду. Сигизмунд хорошо знал своего противника. Он предлагал занять оборону, дождаться султана на своей территории и встретить его на выгодной позиции. Французы хотели идти вперёд. По их словам, они пришли не для того, чтобы сидеть за стенами, а для того, чтобы разбить турок и дойти, если понадобится, до Константинополя и даже до Иерусалима. Победили французы. Войско перешло Дунай и двинулось вниз по реке.

Сначала всё шло удачно. Болгарский правитель Видина, вассал Баязида, сдал город без боя. Затем подошли к крепости Рахова. Её гарнизон сопротивлялся. Французы штурмовали стены, город был взят, и началась резня. Убивали и турок, и местных жителей, среди которых было много болгар-христиан. Это преступление дорого обошлось самим крестоносцам через несколько недель. Около 12 сентября войско подошло к Никополу, сильной крепости на высоком берегу Дуная, и осадило его. Осадных машин у крестоносцев не было, их не взяли с собой, рассчитывая на быстрые победы в поле. Пришлось ждать, пока голод заставит гарнизон сдаться.

Баязид в это время стоял под Константинополем. Получив известие о походе, он быстро собрал войско в Азии и Европе и двинулся на север. Среди его вассалов был сербский деспот Стефан Лазаревич, сын князя Лазаря, павшего на Косовом поле. Сербы шли воевать за султана, против христиан, потому что так требовала присяга. Численность османского войска тоже неизвестна; вероятно, оно было примерно равным крестоносному или несколько больше.

Разногласия в лагере были не просто столкновением характеров. Венгерский король отвечал за безопасность собственных земель и мог позволить себе отступление к подготовленным рубежам. Для бургундских и французских участников, прибывших издалека и потративших большие средства, поход должен был завершиться заметным военным успехом. Эти цели не обязательно исключали друг друга, однако требовали общего решения о том, где принять

сражение и как использовать разные части войска. Единого механизма, который заставил бы столь самостоятельных предводителей подчиниться одной воле, у коалиции не было.

Состав союзной армии делал проблему командования особенно острой. Тяжеловооружённые рыцари привыкли действовать небольшими отрядами вокруг собственного сеньора; венгерские и валашские силы имели иной опыт войны на дунайской границе. Одни участники видели в стремительной атаке средство прорвать строй неприятеля, другие опасались, что преследование оторвёт передовые отряды от главных сил. Нельзя считать, будто все западные рыцари были неопытны: среди них находились ветераны Столетней войны. Но опыт боёв во Франции не давал готового ответа на вопрос, как действовать против армии Баязида на пересечённой местности.

Особое значение имела разведка. Движение большой армии невозможно было скрыть полностью: о приближении войск сообщали торговцы, жители деревень, разъезды и посланцы местных правителей. Но сведения поступали неравномерно, а расстояние между лагерями менялось быстрее, чем командиры успевали согласовать план. Противники могли знать направление движения друг друга и всё же ошибаться в численности сил, расположении резервов или времени их подхода. Поэтому рассказы хронистов о том, что один предводитель заранее предвидел весь ход битвы, следует воспринимать осторожно.

Рельеф вокруг Никополя также ограничивал свободу действий. Дунай давал союзникам путь подвоза и возможность отхода на кораблях, но у самой крепости пространство для манёвра было не безграничным. Склоны, подъёмы и отдельные препятствия могли нарушить порядок наступающих. Конный воин в тяжёлом вооружении сохранял большое преимущество при удачном ударе по открытому строю; однако после остановки или спешивания ему требовалось время, чтобы вновь собрать отряд. В подобной обстановке важнее становились не только отвага и сила удара, но и способность удержать связь с соседними подразделениями.

В описаниях Никополя часто противопоставляют «рыцарскую» и «османскую» тактику. Такое противопоставление не отражает разнообразия войск обеих сторон. Османское войско конца XIV века состояло из разных частей, включая конницу, пехоту и силы зависимых правителей. Армия союзников тоже не сводилась к французским рыцарям: в ней были лучники, пехотинцы, лёгкая конница и речные экипажи. Исход сражения зависел от того, насколько согласованно эти части применялись, а не от принадлежности воинов к той или иной религии. Именно поэтому участие сербского отряда на стороне султана столь важно для понимания событий.

Вопрос о численности армий остаётся спорным. Средневековые повествователи нередко называли огромные цифры, желая подчеркнуть масштаб угрозы или тяжесть поражения. Современный исследователь вынужден сопоставлять такие сообщения с возможностями дорог, запасами продовольствия и временем, необходимым для сосредоточения войск. При этом расчёт по снабжению тоже не даёт абсолютно точного ответа: часть припасов могла доставляться по реке, часть — закупаться или изыматься на месте. Поэтому разумнее говорить о значительных силах обеих сторон, чем повторять эффектные, но плохо проверяемые подсчёты.

Наконец, в походе участвовали люди, почти не попавшие на страницы рыцарских хроник: лодочники, возчики, слуги, ремесленники, жители поселений на пути армии. Они обеспечивали движение обозов, ремонт снаряжения и переправы. Для них спор о первенстве в атаке имел вполне практические последствия. Поражение превращало обоз в добычу, а отступление оставляло без защиты тех, кто не мог быстро сесть на коня. Упоминание этих людей не меняет главных событий битвы, но помогает увидеть, какой ценой обходились решения военачальников.

Когда разведка донесла, что султан близко, в лагере крестоносцев снова заспорили. Сигизмунд советовал поставить впереди валашскую и венгерскую лёгкую пехоту и конных

лучников, хорошо знавших турецкую манеру боя. Они должны были принять на себя первый удар, после чего тяжёлая рыцарская конница могла бы ударить по уставшему врагу. Куси и Жан де Вьенн склонялись к этому совету. Но граф д'Э, коннетабль Франции, заявил, что честь первого удара принадлежит французам и что уступить её венграм значило бы опозорить себя. По рассказам хронистов, он обвинил Куси в трусости. После этого спорить никто не решился.

Утром 25 сентября французские рыцари пошли в атаку. Перед ними стояли лёгкие отряды турецких всадников и пехота, укрытая за рядом заострённых кольев. Французы спешились, чтобы преодолеть колья, и прорвались. Они смяли пехоту, перебили многих, а затем снова сели на коней и бросились вверх по склону, преследуя бегущих. Многие, наверное, думали, что битва уже выиграна. Но за гребнем холма их ждали главные силы султана, отборная конница, сипахи. Уставшие люди в тяжёлых доспехах, на измученных конях, оказались лицом к лицу со свежими войсками. Им пришлось сражаться на склоне, вверх, под градом стрел.

Шильтбергер, который был в отряде своего баварского господина, рассказывает о битве коротко, но ясно. По его словам, французы бились храбро, но были окружены. Сигизмунд со своими венграми пытался прийти им на помощь, однако в решающий момент на поле появилась сербская конница Стефана Лазаревича и ударила по крестоносцам. Валашские и часть венгерских отрядов, видя поражение французов, отступили. Сражение превратилось в бегство. Жан де Вьенн, адмирал Франции, шесть раз поднимал упавшее знамя Богоматери и погиб, сжимая его в руках. Остальные французские вожди сдались в плен.

Сигизмунд едва спасся. Вместе с великим магистром госпитальеров он добрался до берега Дуная и сел на венецианскую галеру. Многие беглецы тонули в реке, пытаясь доплыть до кораблей. Галера отвезла короля вниз по Дунаю в Чёрное море, оттуда в Константинополь, а затем морем вокруг Греции до Далмации. Говорят, что когда корабль проходил Дарданеллы, турки выстроили на берегу пленных христиан, чтобы король видел их. Домой Сигизмунд вернулся только через полгода.

Венгерская знать не простила королю поражения. Через несколько лет магнаты взбунтовались и в 1401 году даже на время взяли Сигизмунда под стражу. Он сумел договориться с ними и вернул себе власть, но урок усвоил: воевать с турками в одиночку Венгрия не может, а помощь с Запада ненадёжна. Позже Сигизмунд создал на южной границе цепь крепостей и пограничных владений, отдавая их сербским, хорватским и валашским вельможам. Эта система обороны продержалась больше века.

То, что случилось на следующий день после битвы, запомнилось европейцам надолго. Баязид обошёл поле боя и увидел, сколько его людей погибло. Ему рассказали и о резне в Рахове. Разгневанный султан приказал казнить пленных. Знатных французов, за которых можно было получить выкуп, отделили от остальных; их пощадили. Остальных выводили по несколько человек и обезглавливали на глазах у султана. Шильтбергер стоял в одной из этих групп. Его, по его словам, спас сын султана, заметивший, что пленнику едва исполнилось шестнадцать лет, а мальчиков моложе двадцати казнить не полагалось. Шильтбергер видел, как убили его товарищей. Сколько было казнено, неизвестно. Он сам называет десять тысяч, но современные историки считают, что погибло, вероятно, несколько тысяч человек. Казнь продолжалась с утра до вечера и прекратилась, по одному рассказу, только когда приближённые султана упросили его остановиться.

Шильтбергер после этого стал рабом самого султана. Он служил скороходом, бегая перед конём Баязида, а потом получил коня и стал ездить в его свите. Он участвовал в походах султана в Малую Азию и Сирию и видел, как Баязид воевал с другими мусульманскими государями. Шильтбергер рассказывает об этом без особой вражды: для него султан был господином, которому он служил, как служил бы и баварскому герцогу. Он описывает турецкие обычаи, одежду, праздники, рассказывает о вере мусульман с любопытством и без брани, что было редкостью для книг того времени. По словам Шильтбергера, некоторые пленные христиане,

служившие при дворе, принимали ислам и делали карьеру, а другие, как он сам, держались своей веры и мечтали о возвращении.

Для того чтобы договориться о выкупе, султан отпустил одного из пленников, Жака де Эйи, сеньора, знавшего турецкий язык. Он поехал во Францию с известием о поражении. Хронисты рассказывают, что он прибыл в Париж в самый канун Рождества 1396 года. Сначала ему никто не поверил, а людей, раньше распространявших слухи о разгроме, даже сажали в тюрьму. Когда стало ясно, что это правда, по всей Франции служили заупокойные мессы. Король Карл VI объявил траур.

Переговоры о выкупе шли больше полугода. Баязид потребовал двести тысяч золотых флоринов, колоссальные деньги. Филипп Бургундский собирал их по всей Европе, занимал у итальянских банкиров, у короля Кипра, у купцов на Хиосе и Лесбосе. Посредником выступил генуэзский правитель Лесбоса Франческо Гаттилузио. Вместе с деньгами султану послали подарки, о которых он, по словам хронистов, просил сам: белых кречетов для охоты, тонкое реймсское полотно, алое сукно и шпалеры из Арраса с изображением истории Александра Македонского. Ковры с северофранцузских станков ценились тогда по всему миру, и султан, видимо, хотел иметь их у себя.

Не все пленники дожили до освобождения. Ангерран де Куси умер в плену в Бурсе в феврале 1397 года. Граф д'Э, чья гордость, по общему мнению, погубила войско, тоже умер на Востоке. Иоанн Неверский и Бусико вернулись домой в начале 1398 года. По одному из преданий, перед тем как отпустить знатных пленников, Баязид сказал Иоанну, что не требует от него клятвы больше никогда не воевать с ним, и даже приглашал его вернуться с новым войском, чтобы снова его разбить. Рассказ этот, скорее всего, придуман позже, но он показывает, как воспринимали султана: как могучего и уверенного в себе противника. Иоанн Неверский позже стал герцогом Бургундским и получил прозвище Бесстрашный. Он остался в истории не своими крестоносными подвигами, а участием в междоусобной войне во Франции, где его убили на мосту Монтеро в 1419 году.

Европа искала объяснений. Старый Мезьер, которому было уже около семидесяти, в 1397 году написал «Горестное и утешительное послание» Филиппу Бургундскому. В нём он перечисляет причины поражения: гордыню, жадность, распутство, отсутствие порядка и послушания в войске. Вывод его был тот же, что и прежде: нужно создать новый орден, который дисциплинирует рыцарей. Поэт Эсташ Дешан написал балладу, в которой оплакивал павших и обвинял тех, кто не слушал добрых советов. Французские рыцари винили венгров, бросивших их, венгры винили французов, не послушавших короля.

Поражение при Никополе отразилось и в изобразительном искусстве. В рукописях хроники Фруассара, украшенных в XV веке, есть миниатюры с изображением казни пленных перед шатром султана: турки в тюрбанах рубят головы коленопреклонённым рыцарям, а Баязид наблюдает за этим, сидя на троне. Художники никогда не видели ни турок, ни Никополя и рисовали их по своему воображению, но эти миниатюры надолго определили, как европейцы представляли себе войну с османами.

Историки последующих веков чаще всего повторяли этот приговор: Никополь был проигран из-за рыцарской гордыни и неумения французов воевать вместе с союзниками. Это отчасти верно. Но надо помнить и о другом. Османское войско было хорошо организовано, его командиры прекрасно знали местность, а султан был опытным полководцем. Против такой армии разношёрстное войско, собранное на несколько месяцев из рыцарей разных стран, говоривших на разных языках и не признававших единого начальника, имело мало шансов. Никополь показал, что эпоха, когда рыцарская конница решала исход войн, подходила к концу.

Никопольское поражение изменило не только планы правителей, но и представление о цене дальнего похода. Участники выступали под общим знаменем, однако их обязанности перед собственными государями оставались различными. Для венгерского короля потеря вой-

ска означала непосредственную опасность на границе; для бургундского двора — необходимость вернуть наследника и его спутников. Эти задачи требовали разных решений и не могли быть исполнены одним торжественным призывом к новому походу.

Особенно тяжело последствия сказались на семьях пленников. Выкуп состоял не из одного платежа султану: требовалось оплатить дорогу посредников, содержание людей в ожидании освобождения, перевозку денег и возвращение домой. Крупные суммы собирали с помощью займов и поручительств. Поэтому плен превращался в долгую финансовую историю, которая продолжалась уже после того, как сами рыцари пересекали границу.

В переговорах участвовали торговые люди, владевшие языками и знавшие дороги между балканскими городами и западными портами. Их работа редко занимала заметное место в героических повествованиях. Между тем без безопасной передачи писем, проверки полномочий посланников и согласования сроков даже богатый родственник пленника не мог гарантировать его освобождение. Дипломатия здесь опиралась на повседневные связи, переживавшие войны.

Венгерскому королевству предстояло восстанавливать оборону на Дунае. Крепости нуждались в гарнизонах, запасах стрел и продовольствия, а пограничные области — в людях, способных сообщить о приближении противника. После крупного поражения подобные меры казались менее славными, чем новый поход, но именно они определяли способность государства удерживать свои рубежи в следующие годы.

Для османского двора победа стала подтверждением возможностей армии Баязида, однако не устранила всех трудностей. Султану приходилось одновременно удерживать владения на Балканах и вести дела в Анатолии, где сохранялись собственные династические и политические противоречия. Успех под Никополем не превращал эти территории в единое пространство с одинаковыми интересами и одинаковой степенью подчинения.

Западные рассказы о сражении расходятся в оценке того, кто первым нарушил согласованный порядок действий и насколько точно командиры представляли себе расположение противника. В них слышны голоса людей, стремившихся объяснить гибель товарищей и оправдать собственные решения. Поэтому описание битвы требует сопоставлять рыцарские хроники с известиями из других традиций, не превращая одну позднюю версию в окончательный приговор всем участникам.

В памяти современников Никополь постепенно стал примером несостоявшегося общего дела. Но его история не исчерпывается столкновением отваги и дисциплины. Здесь сошлись дальность похода, трудности снабжения, различия в целях союзников и способность противника быстро сосредоточить силы. Понимание этих обстоятельств объясняет, почему после разгрома на Дунае европейские дворы чаще обсуждали выкуп, оборону и посольства, чем немедленное повторение экспедиции.

После Никополя Баязид вернулся к Константинополю. Осада, начатая ещё до похода, продолжалась. Город был отрезан от суши, в нём начался голод. Император Мануил II снова попросил помощи у Запада. На этот раз отозвался Бусико, которому едва исполнилось тридцать с небольшим лет. В 1399 году он привёл к Константинополю отряд примерно в тысячу двести человек на нескольких кораблях. Это была капля в море, но маршал совершил несколько удачных набегов на турецкие владения по берегам пролива. Затем он уговорил Мануила самому поехать в Европу просить помощи.

Бусико был человеком не только храбрым, но и набожным и мечтательным. В 1399 году, вернувшись из плена, он основал рыцарское общество Зелёного щита с белой дамой. Тринадцать рыцарей клялись защищать вдов и сирот, лишённых наследства, и знатных дам, которых обижали сильные соседи. В 1409 году, когда Бусико был правителем Генуи, его оруженосцы составили «Книгу деяний маршала Бусико», где описали его жизнь как образец рыцарства. Из этой книги мы знаем, как он тренировался в юности: прыгал в доспехах на коня, взбирался по лестнице, держась только руками, бегал на большие расстояния в полном вооружении. Мар-

шал воплощал в себе всё, что было лучшего и худшего в рыцарстве своего времени: отвагу, верность, благочестие и неспособность думать о войне иначе, чем о поединке.

Мануил отправился в путь в декабре 1399 года, оставив столицу на попечение своего племянника и небольшого французского гарнизона. Путешествие императора продлилось больше трёх лет. Он побывал в Венеции, Падуе, Милане, а в июне 1400 года въехал в Париж. Король Карл VI встретил его пышно. Императора поселили в Лувре, водили на охоту, устраивали в его честь пиры. Французы с любопытством разглядывали греков в длинных белых одеждах, их бороды и манеры. Мануил писал друзьям, что его принимают как нельзя лучше.

В конце 1400 года император переплыл в Англию. Король Генрих IV, тот самый Генри Болингброк, который, как рассказывалось в томе IV, ходил в Литву с Тевтонским орденом, встретил гостя под Лондоном и устроил в его честь рождественский турнир во дворце Элтем. Английский хронист Адам из Аска, видевший Мануила, записал: «Я подумал о том, как печально, что великий христианский государь с дальнего Востока, вынужденный силой неверных, приезжает на далёкие острова Запада просить помощи против них». И дальше: «Боже, что сталось с древней славой Рима?» Эти слова стали самым известным откликом на путешествие Мануила.

Мануил вернулся в Париж и жил там ещё почти два года. Обещаний было много, но реальной помощи не было. Франция погружалась в смуту: король Карл VI страдал приступами безумия, его родственники боролись за власть. Англия была занята собственными делами. Мануил писал письма, вёл переговоры, ждал. А потом пришло известие, которое изменило всё. Султан Баязид был разбит и взят в плен. Сделал это не европейский король, а правитель Средней Азии, которого в Европе называли Тамерланом.

Мануил был не только государем, но и одним из самых образованных людей своего времени. За несколько лет до путешествия на Запад, зимой 1391 года, служа в войске Баязида, он оказался в Анкаре и провёл там долгие беседы с мусульманским учёным, мюдеррисом, о вере. Позже он записал эти беседы в виде диалога в двадцати шести частях. Мусульманский собеседник в нём умён, вежлив и говорит от своего имени, а не как соломенное чучело для опровержения. Император и учёный спорят о законе Моисея, о Христе, о рае, о том, как Бог открывает себя людям, и расстаются друзьями. Через шесть веков, в 2006 году, папа Бенедикт XVI процитировал одну фразу из этого диалога в лекции в Регенсбурге, и цитата вызвала бурю возмущения в мусульманском мире. Папа потом объяснял, что приводил чужие слова, а не выражал своё мнение. Этот случай показал, как живо люди XXI века реагируют на споры XIV века.

Путешествие Мануила II по западным дворам было необычным дипломатическим предприятием. Византийский император обращался за военной помощью к государям, чьи собственные земли были разделены соперничеством и внутренними спорами. Приём, оказанный гостю, свидетельствовал об уважении к древнему императорскому титулу, но не означал готовности немедленно направить войска. Для византийской стороны это различие было особенно болезненным: пока в столицах обсуждали возможности совместных действий, положение Константинополя зависело от решений османского султана.

Сама дорога на Запад требовала времени и средств. Посольство должно было обеспечивать переправы, сопровождение, переводчиков и связь с людьми, оставшимися в Константинополе. Дипломатические переговоры не прекращались после торжественной аудиенции: обещания следовало превращать в письма, распоряжения, сбор денег и снаряжение кораблей. Каждый такой шаг проходил через учреждения и интересы разных государств. Даже благожелательно настроенный правитель не мог распорядиться всеми необходимыми силами по одному своему желанию.

В Англии и Франции образ византийского императора вызывал интерес ещё и потому, что напоминал о судьбе христианских земель Восточного Средиземноморья. Однако англий-

ская корона была занята утверждением новой династии, а Франция не оправилась от длительной войны и придворных конфликтов. Оба королевства могли оказать почести гостю, не принимая на себя обязательств, сопоставимых с масштабом его просьбы. Византийская дипломатия сталкивалась здесь не с одним отказом, а с целой системой ограничений.

Ожидание помощи влияло и на тех, кто остался в осаждённом городе. Горожане не могли знать, какие слова произносились на далёких приёмах и когда за ними последуют реальные суда с зерном и вооружением. Для них значение имели запасы, состояние укреплений и возможность сохранять торговые связи через проливы. Поэтому даже известие о благоприятном приёме императора не устраняло тревоги. Оно поддерживало надежду, но не меняло повседневных условий обороны.

Поездка Мануила показывает пределы личной дипломатии в эпоху, когда общая опасность ещё не создавала общего командования. Между просьбой о крестовом походе и его осуществлением лежали переговоры о расходах, маршрутах, правах участников и распределении ответственности. Государства, заинтересованные в сохранении Константинополя, по-разному оценивали цену помощи. Для одних на первом месте стояла безопасность торговли, для других — соперничество с соседями или положение внутри собственной страны.

Когда османское давление неожиданно ослабло вследствие столкновения Баязида с Тимуром, прежние дипломатические расчёты изменились. Византия получила передышку не благодаря сформированной западной армии, а в результате войны двух восточных правителей. Это не обесценивало усилий Мануила: они помогали сохранять контакты и напоминали о судьбе столицы. Но исход событий показал, насколько мало зависело от торжественных обещаний, если за ними не стояли согласованные средства и ясный план действий.

Тимур родился около 1336 года недалеко от города Кеш, нынешнего Шахрисабза в Узбекистане, в семье небогатого тюркского бека из племени барлас. В молодости он был ранен в правую ногу и правую руку, и с тех пор хромал. Персы называли его Тимур-и Ленг, «Тимур Хромой», отсюда европейское Тамерлан. В 1941 году советские антропологи вскрыли его гробницу в Самарканде и подтвердили по скелету старые рассказы о ранах и хромоте. Вокруг вскрытия выросла легенда о проклятии: говорили, будто на гробнице было написано, что тот, кто потревожит прах Тимура, вызовет войну, и что через два дня Германия напала на Советский Союз. Надписи такой, по-видимому, не было, а сроки совпали случайно.

Самарканд при Тимуре стал одним из самых блестящих городов мира. Тимур свозил туда мастеров со всех завоёванных земель: из Дамаска, Багдада, Тебриза, Дели. Они строили мечети, медресе, дворцы с бирюзовыми куполами и изразцовыми стенами. Вокруг Самарканда Тимур велел построить деревни, которые назвал именами великих городов: Багдад, Дамаск, Каир, Султания, Шираз, чтобы показать, что все они меньше его столицы. Его внук Улугбек, правивший позже в Самарканде, построил обсерваторию и составил звёздный каталог, по точности превосходивший всё, что было сделано до него.

Тимур не был потомком Чингисхана, а потому не мог носить титул хана. Он правил от имени подставных ханов из рода Чингиса и называл себя эмиром и «гурганом», то есть ханским зятем, потому что женился на чингизидской царевне. При этом он создал одну из самых больших держав в истории, протянувшуюся от Анатолии до Индии. Его походы сопровождались страшными разрушениями. Он разорял города, сооружал башни из отрубленных голов, уводил в Самарканд ремесленников, учёных и художников, чтобы они украшали его столицу.

Тимур был ревностным мусульманином и одновременно хранил многие обычаи степи. Он чтил суфийских шейхов, строил гробницы святых, советовался с богословами, но при этом сохранял законы Чингисхана, устраивал пиры с вином и окружал себя кочевой знатью. Он был неграмотен, но, по рассказам, знал наизусть множество историй и родословных, говорил по-тюркски и по-персидски. Такое сочетание было обычным для правителей Средней Азии того времени, наследников и монгольской, и мусульманской традиции.

К концу XIV века Тимур подчинил Персию, Ирак, Армению и Грузию. Он дважды разгромил хана Золотой Орды Тохтамыша, в 1395 году на Тереке, а затем разорил ордынские города на Волге. В том же году его войско дошло до Ельца и остановилось, не двинувшись на Москву. На Руси это объяснили чудом: в Москву принесли из Владимира икону Богоматери, и в тот самый день, когда москвичи встречали её, Тимур будто бы повернул назад. В память об этом установили праздник Сретения Владимирской иконы, который отмечают по сей день. Историки думают, что Тимур просто не собирался идти дальше на север, но для Москвы эта история стала важной частью её памяти. В 1398 году Тимур вторгся в Индию и разграбил Дели. Затем он повернул на запад.

В 1400 году Тимур вторгся в Сирию, принадлежавшую мамлюкам. Он взял Алеппо, а в начале 1401 года подошёл к Дамаску. В осаждённом городе оказался знаменитый арабский историк и философ Ибн Халдун, автор «Мукаддимы», введения к всемирной истории, в котором он рассуждал о том, как рождаются и гибнут государства. Ибн Халдун приехал в Сирию со свитой египетского султана, но султан ушёл обратно в Каир, а историк остался. Горожане решили вступить в переговоры. Ибн Халдуна, которому было уже под семьдесят, спустили со стены на верёвке, и он отправился в лагерь Тимура.

Ибн Халдун оставил рассказ об этой встрече. Тимур принял его благосклонно, расспрашивал о Северной Африке, о её городах, реках и правителях, и попросил написать подробное описание Магриба. Они беседовали о пророках и царях, об истории арабов и персов. Историк признаётся, что старался понравиться завоевателю и льстил ему. Тимур отпустил его в Египет. Дамаск же был разграблен и сожжён, а мастеров и учёных угнали в Самарканд. Говорят, что с этих пор сирийские оружейники, славившиеся дамасской сталью, работали уже в Средней Азии. Летом 1401 года Тимур взял Багдад и, по рассказам современников, сложил там башни из десятков тысяч отрубленных голов.

Совсем иначе писал о Тимуре другой арабский автор, Ибн Арабшах. Мальчиком он был угнан из разорённого Дамаска в Самарканд вместе с семьёй и вырос при дворе завоевателя. Позже он вернулся на родину и написал биографию Тимура, полную ненависти. Он называет его хромым бесом, разорителем, кровопийцей, но в то же время признаёт его ум, память и умение разбираться в людях. По словам Ибн Арабшаха, Тимур не любил ни шутов, ни поэтов, ни лжецов, предпочитал беседы с учёными и мог часами слушать историков. Он играл в шахматы, причём в особую большую игру с лишними фигурами, и был в ней непобедим. Два портрета, нарисованные двумя арабскими писателями, словно описывают двух разных людей.

Столкновение Тимура с Баязидом было неизбежно. Оба считали себя защитниками ислама и великими государями. Анатолийские беки, которых Баязид лишил владений, бежали ко двору Тимура и просили вернуть им земли. Баязид, в свою очередь, укрывал врагов Тимура. Между ними шла переписка, полная оскорблений. По одному рассказу, Тимур напоминал Баязиду, что тот всего лишь потомок туркмена-лодочника, а Баязид в ответ грозил отнять у Тимура жён. Летом 1402 года Тимур вторгся в Анатолию.

Двадцать восьмого июля 1402 года две армии встретились под Анкарой. Баязид ради этой битвы снял осаду Константинополя. Его войско было измучено долгими переходами по жаре, а Тимур занял колодцы и источники. В решающий момент отряды татар и анатолийских беков, служившие Баязиду, перешли на сторону Тимура: их прежние господа находились в лагере противника. Сербы Стефана Лазаревича, напротив, сражались до последнего, и даже враги отмечали их стойкость. Янычары тоже держались долго. Но исход битвы решился. Сыновья султана бежали. Баязид пытался прорваться, но его конь пал, и султан попал в плен.

Тимур обращался со своим пленником сначала с почётом. Но после того как Баязид, по одним сведениям, пытался бежать, его стали держать под строгим надзором. В Европе позже рассказывали, что Тимур возил султана за собой в железной клетке, использовал его как подставку, садясь на коня, и заставлял смотреть, как его жена прислуживает победителю за столом.

Эти рассказы появились не сразу, и многие историки считают их позднейшими выдумками. Возможно, речь шла о носилках с решётками, в которых везли пленника. Как бы то ни было, в марте 1403 года Баязид умер в плену в городе Акшехир. Ему было около сорока трёх лет.

Шильтбергер был в войске Баязида под Анкарой и тоже попал в плен. Он рассказывает о битве коротко и затем подробно описывает свою жизнь у новых хозяев. Его книга, хоть в ней и немало путаницы, стала одним из первых европейских описаний Средней Азии и Золотой Орды. Шильтбергер рассказывает о Самарканде, о степях, где кочевники пьют кобылье молоко, о чудесах, которые он слышал от других. Он видел многое, но плохо разбирался в том, что видел, и его рассказы о далёких странах полны чудес. Зато о том, что пережил сам, он говорит просто и правдиво.

После победы Тимур прошёл по Анатолии, восстанавливая власть беков, изгнанных Баязидом. В декабре 1402 года он подошёл к Смирне. Как рассказывалось в первой главе этой книги, крепость в гавани Смирны христиане захватили в 1344 году, а с 1374 года её охраняли госпитальеры. Шестьдесят лет турецкие беки и османы не могли её взять. Тимур осадил город. Его воины, как сообщают источники, засыпали гавань камнями и бревнами, чтобы отрезать крепость от моря, и подвели к стенам осадные башни. Через две недели крепость пала. Когда к гавани подошли корабли с подкреплением из Родоса, воины Тимура, по преданию, забрасывали их отрубленными головами защитников. Рыцари увидели, что опоздали, и ушли. Немногим уцелевшим удалось спастись вплавь. Так кончилось главное приобретение крестового похода 1344 года.

В Европе победа Тимура над Баязидом вызвала надежды. В некоторых европейских дворах Тимура стали воспринимать как возможного союзника против османов. Ещё до битвы при Анкаре европейские государи вступили в переписку с Тимуром. В Национальном архиве Франции хранится письмо Тимура королю Карлу VI, написанное по-персидски, в котором завоеватель предлагает свободную торговлю между их странами. Кастильский король Энрике III отправил к Тимуру посольство. Оно прибыло в Самарканд осенью 1404 года.

Тимур, со своей стороны, интересовался Европой мало. Для него главными противниками были мусульманские государи Востока, а христиане Запада интересовали его как торговые партнёры. Европейские купцы ещё со времён монгольских ханов ездили по степным дорогам в Китай, и Тимур хотел, чтобы торговля шла через его земли. В письмах к европейским государям он называл себя покровителем купцов и предлагал им свободный проезд. Этот интерес к торговле объяснял многое в его походах: разорённые им города Золотой Орды и Сирии были соперниками на торговых путях.

Глава этого посольства, придворный Руи Гонсалес де Клавихо, оставил дневник путешествия. Это одна из самых живых книг XV века. Клавихо подробно описывает дорогу через Константинополь, Трапезунд, Персию, рассказывает о городах, мостах, караван-сараях, о почтовых станциях с лошадьми, которые Тимур устроил на всех дорогах. В Самарканде Клавихо видел строительство огромной соборной мечети, которую мы называем мечетью Биби-Ханым, сады и дворцы за городом, шатры из шёлка, где шли пиры. Он описывает самого Тимура: старого человека, почти слепого, который принимал послов, сидя на подушках у фонтана. Тимур расспрашивал о Кастилии и угощал гостей кониной и бараниной. Клавихо замечает, что на пирах было принято пить вино до опьянения, и что пьянство считалось знаком мужества.

По дороге в Самарканд Клавихо побывал и в Константинополе. Император Мануил, только что вернувшийся из Европы, принял послов, а затем их водили по городу его приближённые. Клавихо подробно описывает Святую Софию, её громадный купол, мрамор и мозаики, ипподром с бронзовыми конями, которые, впрочем, к тому времени уже двести лет стояли в Венеции, и множество реликвий. Он видел копьё, губку и терновый венец, по крайней мере, их части, хранившиеся в монастырях. Клавихо замечает, что город огромен, но полон

развалин и пустырей, и что жителей в нём гораздо меньше, чем могло бы поместиться. Это один из последних западных рассказов о Константинополе в его христианскую эпоху.

Тимур в эти месяцы готовил новый поход, на этот раз в Китай. Зимой 1405 года он выступил на восток, но в феврале заболел и умер в городе Отраре на Сырдарье. Его похоронили в Самарканде, в мавзолее Гур-Эмир, который до сих пор стоит в центре города. Держава Тимура быстро распалась между его сыновьями и внуками, но его потомки ещё сто лет правили в Средней Азии и Персии, а затем один из них, Бабур, основал в Индии империю Великих Моголов.

Мавзолей Гур-Эмир, где похоронен Тимур, поражает простотой надгробия. Над его могилой лежит огромная плита из тёмно-зелёного нефрита, самая большая из известных в то время, привезённая, по преданию, из Монголии. Внук Тимура, Улугбек, велел высечь на ней надпись, возводящую род Тимура к той же праматери, что и род Чингисхана. Так даже после смерти Тимур продолжал доказывать своё право на власть, которого ему не давало происхождение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.